

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования
«Южно – Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
в г. Нижневартовске
Кафедра «Экономика, менеджмент и право»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой

/Н.В. Зяблицкая/

14 июня 2021 г.

Влияние норм гражданского законодательства на
квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2021.076.ВКР

Консультанты, (должность)

Руководитель работы
к.ю.н., доцент

/А.Р.Салимгареева/

11 июня 2021 г.

Консультанты, (должность)

Автор работы
Обучающийся группы НвФл - 441

/Е.А. Пикарь/

10 июня 2021 г.

Консультанты, (должность)

Нормоконтролер

/Н.В.Назарова/

11 июня 2021 г.

Нижневартовск 2021

АННОТАЦИЯ

Пикарь Е.А. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности. – Нижневартовск: филиал ЮУрГУ, НвФл -441, 92 с., ил. - нет, таб. - нет, библиогр. список – 67 наим., слайдов – нет.

Изучение межотраслевых связей уголовного права, обнаруживающихся при юридической квалификации содеянного, приобретает актуальность ввиду частых изменений уголовного законодательства. Необходимость обращения к нормам гражданского права в процессе квалификации деяний по статьям 22 главы Уголовного кодекса Российской Федерации предопределена тем, что именно оно выступает правовой основой осуществления экономической деятельности.

Целью данной работы является выявление роли и значения гражданско-правовых норм в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Квалификация деяния, как представляется, не ограничивается механическим процессом установления состава преступления, а требует понимания сути преступления и отличия его от иных правонарушений. Продолжительная научная дискуссия относительно целесообразности криминализации деяний в сфере экономической деятельности актуализируется в свете возможной перспективы появления уголовных проступков в российском законодательстве. В такой ситуации обостряется необходимость оценки существующих уголовно-правовых запретов на поведение субъектов экономической деятельности и обобщения специфики процесса квалификации их деяний.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
1 МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ УГОЛОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	13
1.1 Взаимосвязь уголовного и гражданского права: философский (методологический) аспект	13
1.2 Взаимосвязь норм уголовного и гражданского права в процессе квалификации преступлений: юридический аспект	22
2 РОЛЬ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	30
2.1 Влияние норм гражданского права на установление объективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности.	30
2.2 Влияние норм гражданского права на установление субъективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности	46
3 РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДЕЛИКТОВ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ СОДЕЯННОГО.	56
3.1 Сходные признаки преступлений и гражданско-правовых деликтов в сфере экономической деятельности.	56
3.2 Отличительные признаки преступлений и гражданско-правовых деликтов в сфере экономической деятельности	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	79
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	83

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Важность правильной оценки юридически значимых действий в правоприменительной деятельности неоспорима. Неслучайно в уголовно-правовой науке выделено специальное направление исследований, посвященное разработке теоретических основ квалификации преступлений. В доктрине встречаются предложения закрепить и структурно обособить правила квалификации в рамках самостоятельной главы Уголовного кодекса Российской Федерации или вне его пути издания свода таких правил, имеющего рекомендательное значение¹.

Ключевая роль в процессе квалификации содеянного отводится уголовно-правовым нормам. Вместе с тем, охранительный характер уголовного права обуславливает его связь с другими отраслями материального права как на законодательном уровне при решении вопроса о криминализации, так и на правоприменительном в процессе установления признаков состава преступления. Эта связь выражена законодателем текстуально при описании уголовно-правовой нормы бланкетным способом. Разработка круга проблем, связанных с введением в российское уголовное законодательство таких уголовно-правовых норм и спецификой применения их на практике, длительное время ведется российскими учеными-юристами. Однако констатировать достаточную изученность вопроса о значении положений иного отраслевого (не уголовного) законодательства для процесса квалификации преступлений не представляется возможным. Особый интерес в данном контексте вызывает гражданское право, призванное регулировать динамично развивающиеся в условиях современной рыночной экономики общественные отношения.

Изучение межотраслевых связей уголовного права, обнаруживающихся при юридической квалификации содеянного, приобретает актуальность ввиду частых

¹ Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин // – Юридическая наука. – 2012. – № 5. – 174 - 180 с.

изменений уголовного законодательства. Рекордсменом можно назвать главу 22 УК РФ, число статей которой с 32 в первоначальной редакции возросло до 58. Необходимость обращения к нормам гражданского права в процессе квалификации деяний по статьям данной главы предопределена тем, что именно оно выступает правовой основой осуществления экономической деятельности.

Статистические данные подтверждают потребность в научной разработке вопросов квалификации деяний в сфере экономической деятельности. Согласно данным судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, число осужденных по статьям главы 22 УК на 2017 г. – 6375, а в 2018 – 7717, 2019 г. – 7763, 2020 г. – 6584¹. На ХМАО Югра приходится в 2017 г.- 922, 2018 г. -1211, 2019 г.- 961, на 2020 г.- 983². Как видно, число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, увеличивалось ежегодно более, чем на 1000. И это при том, что руководство страны не раз негативно оценивало использование Уголовного кодекса в качестве инструмента решения хозяйственных конфликтов³.

Квалификация деяния, как представляется, не ограничивается механическим процессом установления состава преступления, а требует понимания сути преступления и отличия его от иных правонарушений. Продолжительная научная дискуссия относительно целесообразности криминализации деяний в сфере экономической деятельности актуализируется в свете возможной перспективы появления уголовных проступков в российском законодательстве. В такой ситуации обостряется необходимость оценки

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.02.2021).

² Данные социально-криминологической характеристики преступности по ХМАО Югра, результаты деятельности органов прокуратуры ХМАО Югра // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

³ Заседание коллегии Генпрокуратуры России от 15 февраля 2018 г. // Сайт президента России : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56863> (дата обращения: 20.02.2021).

существующих уголовно-правовых запретов на поведение субъектов экономической деятельности и обобщения специфики процесса квалификации их деяний.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с системой правового и особенностями учета норм гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Предмет исследования – основополагающие межотраслевые связи уголовного и гражданского права, которые необходимо учитывать при криминализации деяний в сфере экономической деятельности; роль норм гражданского законодательства в установлении признаков составов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, и отграничении их от гражданско-правовых деликтов.

Цель ВКР– выявление роли и значения гражданско-правовых норм в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Задачи ВКР. Необходимость достижения указанной цели обусловила постановку и решение следующих основных задач:

- определить, в чем выражается взаимосвязь уголовного и гражданского права с позиции философии и методологии науки;
- рассмотреть вопрос о значении частного и публичного права в формировании правовых основ общественных отношений в сфере экономической деятельности;
- выявить значение гражданско-правовых норм в легальном описании составов преступлений в сфере экономической деятельности бланкетным способом;
- разрешить вопрос о признании норм гражданского права источником российского уголовного права;
- оценить правильность употребления цивилистической терминологии при законодательном описании составов преступлений в сфере экономической деятельности и в судебной практике;

– исследовать степень использования гражданско-правовых норм в установлении содержания объективных и субъективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности;

– на основе анализа категории «общественная опасность» проанализировать проблему отнесения правонарушений в сфере экономической деятельности к преступлениям, уголовным проступкам и гражданско-правовым деликтам.

Теоретическую основу исследования составили основные положения отечественной доктрины уголовного и гражданского права.

Основные работы по гражданскому праву, ставшие базой для настоящего исследования принадлежат: М. М. Агаркова¹, Э. А. Евстигнеева², и иных ученых. Среди исследователей в области уголовного права, необходимо выделить Б. В. Волженкина³, Ю. В. Голика⁴, В. П. Коняхина⁵, и других авторов. Из молодых ученых необходимо отметить В. В. Александрову⁶ и Д. В. Лопашенко⁷.

Эмпирическую базу исследования составили: обобщения судебной практики по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности в форме

¹ Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву : Избранные труды. Том I / М.М. Агарков. – Москва : Юзират, 2002. – 30 с.

² Евстигнеев, Э. А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве / Э. А. Евстигнеев. – Москва: Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. – 174 с.

³ Волженкин, Б. В. О содержании бланкетных диспозиций статей об экономических преступлениях в УК РФ : Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения. Материалы третьей научно-практической конференции / Б.В. Волженкин. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 2006. – 12 с.

⁴ Голик, Ю.В. Философия уголовного права / Ю. В. Голика. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 34 с.

⁵ Коняхин, В. П. Об источниках уголовного права применительно к Общей части УК РФ : Российское уголовное право. Общая часть / В. П. Коняхин, М. Л. Прохорова. – Москва : Контракт, 2014. – 74 -75 с.

⁶ Александрова, В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Александрова Виктория Викторовна ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2018. – 10 - 86 с.

⁷ Лопашенко, Д. В. Соотношение частного и публичного в уголовном праве : специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени кандидат юридических наук / Лопашенко Дарья Викторовна ; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) – Москва, 2018. – 19 - 34 с.

постановлений Пленума Верховного Суда РФ, статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации; справочные материалы правоприменительных органов; приговоры 2017-2020 гг. российских судов по делам о преступлениях, предусмотренных главой 22 УК РФ, содержащих отсылки к гражданскому законодательству и размещенных в сети Интернет на сайтах sudact.ru, rospravosudie.com.

Методологию исследования составляют: общенаучный диалектический метод познания, позволивший рассмотреть взаимосвязь уголовного и гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Для достижения поставленных задач с его помощью было проанализировано содержание доктринальных и законодательных источников по изучаемой проблеме.

Практическая основа исследования заключается в том, что разработанные предложения могут быть использованы при совершенствовании системы уголовной практики его применения в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Обоснованность и достоверность научных положений, выдвигаемых в выпускной квалификационной работе, обеспечены применением апробированных наукой и практикой методов, соблюдением теоретических и методологических принципов уголовного права и криминологии, тщательными отбором эмпирической базы преступлений в сфере экономической деятельности. Определенную роль сыграли материалы и статистические данные с места прохождения практики. Изучено 30 уголовных дел, рассмотренных судами Российской Федерации, в том числе ХМАО Югры по преступлениям в сфере контрабанды, использованы статистические данные МВД РФ и Минюста РФ, а также результаты исследований, проведенных другими теоретиками по проблемам в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Научная новизна исследования заключается в том, что проведено комплексное исследование, теоретически обобщающее современные подходы к

определению роли норм гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Установлено значение гражданско-правовых предписаний для определения содержания признаков составов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ. Выявлены особенности квалификации данных преступлений с учетом норм гражданского законодательства. В результате рассмотрения вопроса об общественной опасности на примере посягательств в сфере экономической деятельности предложен нетрадиционный подход к проблеме введения в УК РФ категории «уголовный проступок».

Структура работы: Выпускная квалификационная работа состоит из введения, 3 глав и 6 параграфов, заключения и библиографического списка, объем работы 92 страниц.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ УГОЛОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1.1 Взаимосвязь уголовного и гражданского права: философский (методологический) аспект

Межотраслевые связи в праве определяются как связь между различными отраслями права, их взаимная зависимость, обусловленность и общность. Эти связи представляют собой проявление общей системности в правовой сфере.

Разумная связь норм гражданского и уголовного права, с точки зрения Н. И. Пикурова, выражается различными способами¹, цель которой не только лишь охрана общественных отношений, а формирование сложной системы, созданную путем внедрения в уголовное право разных нормативных материалов, образующих его структуру, а также включение диспозитивных элементов к императивному методу отрасли права.

При изучении вопроса о характере взаимосвязи уголовного и гражданского права при квалификации преступлений, применение философского подхода к оценке содеянного в сфере экономической деятельности обусловлена рядом причин. Во-первых, этот процесс связан не только с установлением состава преступления, указанного в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но и с признанием данного деяния опасным для общества. При оценке общественной опасности следует учитывать не только законодательный запрет, но и особенности общественных отношений в той или иной сфере в конкретный исторический период. При этом не всегда очевидна ненасильственная опасность посягательств на отношения в сфере экономической деятельности. Во-вторых, процесс оценки содеянного требует знания значения каждой нормы, ее роль в квалификации правовых рамок поведения субъектов общественных отношений. Речь здесь идет не только о конкретно правовых вопросах, а в частности о юридической силе. Субъект правоприменения обязан

¹ Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1998. – 106 с.

использовать нормы гражданского права в том объеме, в которой это требуется для качественной квалификации деяния, понимая функции и назначения отраслей гражданского и уголовного права.

Уголовное право, являясь неотъемлемой частью правового регулирования может постигаться при помощи философии. С философской точки зрения можно подойти к проблемам, сути нормативных предписаний, сформулированных с помощью приемов юридической техники, которые отражают связь норм друг с другом. Философское направление существовало в разные периоды в науке уголовного права. Философы, при анализе бытия в целом не могли не обратить внимание на акты поведения человека, которые отклоняются от принятых правил. Таким образом мыслителей в какой-то степени можно назвать правоведами. В политико-правовых трактатах определены подходы к формированию природы преступления и гражданских правонарушений и их разграничение.

Если говорить о философии уголовного права, французский философ XIX в. Адольф Франк отмечает: «ни в одной другой отрасли человеческого знания не переплетаются между собой более прямым образом, чем в ней, права частных лиц и права общества, его спокойствие, мир и достоинство, и даже сама нравственность, или, по крайней мере, общественная совесть, без которой нравственность не осуществима на Земле»¹. Что касается размышлений о философии уголовного права Ю. В. Голик отмечает, «что она поможет выработать современную систему наказаний, максимально использовать в уголовном праве метод поощрения, дать интегративное понятие преступного и непроступного»². Понимание природы преступления поможет конкретнее и адекватнее данному периоду времени формулировать конкретные составы преступлений и строить уголовный закон и разграничивать проступок от преступления. Каждая новая концепция философского осмысления уголовного права основывается на предыдущих теориях и находится во взаимосвязи с ними.

¹ Голик, Ю.В. Философия уголовного права / Ю. В. Голика. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 34 с.

² Там же.

Согласно Гегелю, право развивается абстрактно, и включает те права и обязанности, которые принадлежат человеку не потому, что они являются гражданами, а просто потому что они являются человеческими личностями. Права мыслитель разделяет на три группы: собственность, контакт и ущерб (преступление и деликт). Первая группа, право собственности, является результатом свободной воли, так как любая вещь может быть присвоена определенным лицом для удовлетворения личных потребностей. Для Гегеля последствия права собственности, являющимися результатом действия свободы воли, заключается в делении этой вещи по способностям и талантам, а не поровну. Противоположностью собственности является контракт, посредством чего человек может отказаться от собственности с помощью акта свободной воли. Преступление поэтому представляет собой отрицание права. Целью наказания является восстановление права, или, другим словами, восстановление истинной воли преступника – той, которая находится в согласии со всеобщей волей¹.

Смысл юридической оценки деяния отразил А.В. Наумов и А.С. Новиченко: как и всякое познание, этот процесс представляет собой «достижения истины, переход от явления к сущности, от чувственных форм, в которых нам дается вначале преступный факт, к логической форме, к понятию преступления»².

В.Н. Кудрявцев объясняет концепцию квалификации преступления по средствам категорий единичного и общего. Основой концепции является единичное явление, конкретное действие. Ученый не выделяет особенное в квалификации преступления, так как «этот промежуточный термин принципиально

¹ Данильян, О. Г. Философия права : учебное пособие / О. Г. Данильян. – Москва: Эскиммо, 2007. – 130 с

² Наумов, А. В. Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – Москва: Юрлитиздат, 1978. – 25 с.

не вносит ничего нового, так как «особенное», в свою очередь, выступает в одной связи явлений как общее, а в другой – как единичное»¹.

А.С. Новиченко к этому вопросу подходил иначе, определяя содеянное единичным, состав преступления особенным, а норму права, подлежащую применению всеобщей. Именно конкретная норма права имеет главное значение для квалификации «осуществляется переход от явления к преступной сущности совершенных действий, от эмпирически данного преступления к духовно конкретному»². Нельзя не согласиться с высказыванием ученого, что квалификация — это не простое сравнение элементов состава преступления, а это сложный оценочный процесс, через который устанавливается преступный характер деяния.

Так через процесс квалификации преступления правоприменитель оценивает преступность конкретного акта человеческого деяния. Иначе, содеянное как конкретная юридическая модель состава преступления должна содержать все признаки преступления, из которых нужно выделить общественную опасность.

Так как темой исследования обозначены преступления в сфере экономической деятельности, необходимо рассмотреть соотношение понятий «содержание» и «форма». Форма в свою очередь относится к неправовой сфере жизни общества, регулируемая с помощью права. В данном случае форма рассматривается как способ воздействия на организацию неправовой материи. Соответственно, содержание определяется как объект или предмет воздействия со стороны всего права. Право определяется как самостоятельное явление, переплетающиеся на неправовое явление и оказывающие постоянное воздействие. То есть право, это форма по отношению к содержанию экономики.

¹ Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – Москва: Юристъ. – 2007. – 33 - 38 с

² Новиченко, А. С. Логико-методические основы квалификации преступлений : специальность 09.00.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Новиченко Александр Степанович ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова – Москва, 1977. – 154 с.

В смешанной экономики Российской Федерации право, учитывая особенности экономики направленно с помощью нормативных предписаний восстановить как экономическую, так и социальную справедливость в обществе. Право является «проводником» в достойное сосуществование всех членов общества. Динамика развития экономических отношений пропорционально влияет на изменение правовой базы касающихся экономических правоотношений.

Основой формирования российской экономики выступает отрасль гражданского права. Именно этой отрасли принадлежит главная роль в определении дозволенного для участников экономических правоотношений. Уголовное право в свою очередь является инструментом охраны гражданской правовых норм, происходящих в сфере экономической деятельности.

Как подчеркивает С.А. Бочкарев, что соотношение уголовного и гражданского в древнем праве одним из первых отметил основатель юридической антропологии Генри Джеймс Самнер Мэн, который сделал вывод что часть от одного и другого зависела от уровня развития общества. Интересен вывод ученого о том, что уголовные законы нового времени и древней эпохи крайне отличаются: деяния, которые в настоящее время рассматриваются как преступления, расценивались ранее как деликты (воровство), влекущие за собой только материальную компенсацию пострадавшему. В англосаксонском праве ученый находит что за убийство полагалась денежная компенсация, а виновные преследовались деликтами, применяемыми в случаях наступления гражданской правовой ответственности¹. Таким образом уже в писаниях XIX века зародилась мысль о признании определенных видов человеческого поведения преступным в определенном социуме, зависящем от уровня представления справедливости.

Анализ взаимосвязи гражданского и уголовного права включает в себя обращение к проблематике деления права на частное и публичное. Данная мысль

¹ Бочкарев, С. А. Философия уголовного права в истории европейских и англо-американских школ / С.А. Бочкарев // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1 (10). – 140 - 141 с.

берет свое начало еще со времен классического римского права: Ульпиан провозгласил, что публичное право относится к положению Римского государства, а частное – к пользе отдельных лиц¹. Так разграничение права проходила по средствам интереса одного от другого. Данное мнение подвергалось критике, но осталось основой отечественной доктрины и по сей день. Необходимо отметить, что в науке предпринимались попытки определения других критериев для различия публичного и частного права. Так например С.В. Дорохин рассматривает две теории: первая теория интересов, которая основанная на разделении регулируемых отношениях на имущественные и неимущественные; вторая в свою очередь теория инициативы, которая включает в себя различие положения субъекта в правоотношении, разделение по обязанности предписаний².

В последнее время в научной литературе направление рассмотрения проблемы существования частного и публичного права изменил свой вектор с позиции их диаметрального противопоставления в сторону их сближения и взаимовлияния. Это объясняется тем, что общественные отношения в условиях рыночной экономики развиваются, появляются новые сферы правового регулирования и даже формируются новые правовые отрасли.

Так, на доктринальном уровне все чаще укрепляется мнение о том, что в современных реалиях происходит смешение частного и публичного права; частные начала проникают в публичные отрасли, а публичные начала – в частные; уже нет необходимости в привычном дуалистическом делении права; провести границу между частным и публичным интересом всё сложнее и т. п. «Публичному праву так же необходимо частное, как и частному – публичное. Усиление частных начал в уголовном праве (не в ущерб публичным) обязательно будет происходить в ближайшие годы и десятилетия – отмечает Ю. В. Голик. В

¹ Хорунжий, С. Н. Правовые основы защиты частных и публичных интересов / С.Н. Хорунжий // Юридическая наука. – 2016. – № 5. – 39 с

² Лопашенко, Д. В. Соотношение частного и публичного в уголовном праве : специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени кандидат юридических наук / Лопашенко Дарья Викторовна ; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) – Москва, 2018. – 19 - 34 с.

противном случае уголовная юстиция просто захлебнется в потоке мелких уголовных дел и перестанет функционировать»¹. Невозможно не согласиться с данным высказыванием, так как большинство сфер жизни регулировались вначале публично-правовыми методами, а потом – частноправовыми, и наоборот. И даже в один и тот же промежуток времени почти каждая отрасль права содержит конкретные элементы и частного, и публичного права.

В чем же заключаются точки пересечения уголовного и гражданского права? Как отмечается в исследованиях, внедрение публично-правового регулирования в отраслях частного права может иметь вид как очевидной, то есть когда в отношении принимает участие органы правительства, так и в скрытой, введение ограничений, запретов, санкций, форме. При этом следует обращать на то, что не всегда нормы, обозначенные как диспозитивные, толкуются соответствующим образом. Так Э. А. Евстигнеев делает вывод, что большинство норм об исполнении обязательств действующего Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) включают в себя императивные положения, а некоторые и вовсе в полном объеме. Таким образом практически половина гражданско-правового регулирования имеет императивный характер².

У ученых-правоведов разный взгляд на частные правоотношения в уголовном праве. Тем не менее наличие в уголовном праве-частного связывают прежде всего с частными интересами пострадавшего. Так Э. Л. Сидоренко рассматривает это как социальную категорию, дозволяемую правом возможность юридических и физических лиц распоряжаться собственными благами основываясь методом дозволения участвовать в уголовно-правовой оценке случаев посягательства на блага с помощью выражения своей воли³. К главным

¹ Голик, Ю.В. Философия уголовного права / Ю. В. Голика. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 34 с.

² Евстигнеев, Э. А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве / Э. А. Евстигнеев. – Москва: Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. – 174 с.

³ Сидоренко, Э. Л. Частные начала в уголовном праве / Э. Л. Сидоренко, М. А. Карабут. – Санкт-Петербург: Юрид. Центр Пресс, 2007. – 17 с.

частным интересам в уголовном праве Э.Л. Сидоренко относит личную свободу, конституционные права человека и гражданина, честь и достоинство, право собственности, здоровье как личное неимущественное благо. Другой же автор, Н.И. Пикуров же выделяет только два вида частных интересов, входящих в сферу действия уголовного закона¹. Первый вид – это права, охраняемые непосредственно уголовным правом (половая неприкосновенность, честь и достоинство человека и личности). Второй вид объединяет частные интересы, урегулированные нормами как гражданского права, так и других отраслей права (коммерческая тайна, отношения собственности).

В свою очередь Д. В. Лопашенко частное в уголовном праве отмечает как деятельное раскаяние, примирение с потерпевшем, освобождение от уголовной ответственности на основе ст. 76 УК РФ, частные институты и субинституты. Частными автор признает институты частного и частно-публичного обвинения, привлечение к уголовной ответственности в рамках частно-публичного порядка по заявлению частной коммерческой или иной организации, а так же согласия лица на причинение вреда².

Так же в конкретных ситуациях совместно применяется как уголовное так и гражданское законодательство: при компенсации потерпевшему причинённого преступлением вреда, причинение вреда в состоянии крайней необходимости.

Таким образом, в частном праве встречаются нормы императивного характера, а в публичном допускается некая диспозитивность. Но «размытия» границ между ними нет и быть не может. Разные способы, методы правового регулирования в той или иной отрасли права применяется только с целью обоюсторонней охраны определенных, разграниченных отношений.

На основе вышеизложенного можно сделать определенные выводы:

¹ Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1998. – 106 с.

² Лопашенко, Д. В. Соотношение частного и публичного в уголовном праве : специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени кандидат юридических наук / Лопашенко Дарья Викторовна ; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) – Москва, 2018. – 19 - 34 с.

Во-первых, для понимания особенностей охраняемых общественных отношений, выборов способа правового регулирования, в том числе при определении отраслевой принадлежности правонарушения правоведам следует больше внимания уделять философской составляющей уголовного права. Взаимосвязь норм гражданского и уголовного права видится в том, что их единство проявляются прежде всего в совместном создании нормативной базы правопорядка. Нарушение норм любой из указанных отраслей права является недопустимым.

Противоположность гражданского и уголовного права обусловлено социальной направленностью и исходит из назначения каждой из отраслей: гражданское право – является основой рыночно товарооборота, нормативная база частной жизни граждан, позволяющее удовлетворить их имущественные и лично неимущественные потребности. Уголовное право в целом защищает общество и государство от опасных актов поведения. Именно при рассмотрении уголовного и гражданского права как самостоятельные отрасли права, но действующие совместно позволяет выявить и проработать новые качества каждого их них.

Во-вторых, при криминализации и декриминализации деяния в сфере экономической деятельности и сопоставлении его с имеющимися видами гражданских правонарушений на законодательном уровне сталкиваются объективный и субъективный факторы правотворчества. С одной стороны, разница между преступлением и гражданским правонарушением должна быть объективна и определяема общественной опасностью с учетом предмета, целей, задач, содержания каждой из отраслей. И все же представляется, что главным показателем преступности деяния должна служить его общественная опасность, а не противоправность.

1.2. Взаимосвязь норм уголовного и гражданского права в процессе квалификации преступлений: юридический аспект

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ) охраняет наиболее важные правоотношения, урегулированные Конституцией РФ¹, федеральными законами и другими нормативными актами. Такое положение УК РФ в правовой системе обуславливает его тесную связанность с другими отраслями права. Последние в отдельных случаях фактически определяют содержание уголовно-правовых норм. Ведущую роль в обеспечении соответствия УК РФ развивающемуся объекту уголовно-правовой охраны, бесконфликтного сосуществования формы уголовно-правовых запретов с политическим и социально-экономическим содержанием объекта играют бланкетные признаки, а также нормы иной отраслевой принадлежности.

Продолжая характеризовать взаимосвязь норм уголовного и гражданского права следует уделить внимание исходно теоретико-правовым вопросам, подлежащим учету при квалификации преступлений. Охранительный характер уголовно-правовой отрасли предполагает обширную систему межотраслевых связей с отраслями как публичного, так и частного права. Так, для обеспечения внутрисистемной согласованности правовых предписаний, законодатель использует разные варианты оформления их заимствования для выражения уголовно-правовой нормы. Например, Н.И. Пикуров предлагает следующие варианты: «использование «чужих» предписаний со всеми атрибутами норм и имплантация отдельных признаков таких норм, заимствования терминологии, а также более сложных лексических структур иной отраслевой принадлежности²». Автор подчеркивает, «что уголовное право соединяясь в динамичные системы с

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом изменений, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. — URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 13.02.2021).

² Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1998. – 93 с.

нормами практически всех отраслей права, не только имплантирует их предписания в свою ткань для определения границ между преступным и не преступным, но и само передает им часть своей юридической энергии, присутствуя в качестве потенциальной силы, например, при заключении гражданско-правовой сделки, охраняя стороны от возможных мошеннических действий»¹. Так правовая связь предполагает взаимность всех отраслей права, но в рамках данной работы рассматриваются конкретные ее проявления, влияние норм уголовного права на гражданские правоотношения не входят в предмет исследования.

Наиболее четко взаимосвязь норм различных отраслей права можно отследить на примере квалификации преступлений в экономической деятельности. В этой сфере действуют нормы гражданского, уголовного, финансового, административного, и других отраслей права.

Большая часть составов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ законодатель описывает бланкетным способом. Этот факт вызвал среди ученых-юристов множество споров в самых разных теоретических и практических проблемах, связанных с отсылкой к нормам иной отраслевой принадлежности. Если исходить из ст. 1 и ст. 3 УК РФ, то уголовное законодательство состоит из Уголовного кодекса, и преступность деяния и его наказуемость определяется только им. Поэтому УК РФ является источником уголовного права и его норм. Так содержание уголовной нормы, и включенный в него бланкетный способ представляет собой нормативные предписания уголовного закона и других нормативно правовых актов. Так необходимо выявить природу взаимосвязей уголовно-правовых норм и иных отраслевых норм при отсылке к ним.

Первоначально нужно определить терминологию. В научной литературе встречаются употребляемые как синонимы понятия: «бланкетная диспозиция», «бланкетная норма», «бланкетный состав». Тут следует согласиться с

¹ Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1998. – 100 с.

высказыванием Б. В. Волженкиным: «ни уголовно-правовая норма как общеобязательное правило поведения, ни состав преступления как совокупность признаков, характеризующих деяние как преступление, не могут быть бланкетными. Бланкетен лишь способ изложения соответствующей нормы в диспозиции статьи закона и в описании состава преступления опять-таки в статье закона. Поэтому бланкетными могут быть лишь диспозиции статей уголовного закона»¹.

В общем виде можно выделить следующие главные вопросы, ответы на которые ищут представители уголовно-правовой науки:

1. Являются ли нормы, к которым отсылают диспозиции статей главы 22 УК РФ источниками уголовного права?
2. Влияют ли нормы различных отраслей права на квалификацию преступлений?

Отвечая на вопрос, является ли гражданское законодательство (как и другие нормы права, к которым отсылает бланкетная диспозиция), источником уголовного права является принципиальным, так как определяет характер взаимодействия норм уголовного и гражданского права как при конструировании составов преступления, так и квалификации деяния. Результаты практической деятельности в сфере противодействия преступности зависят от ясного и четкого обозначения состава преступления в законе. Именно поэтому на стадии описания состава преступления законодателю уголовного закона необходимо найти баланс между использованием полезных свойств формулирования диспозиции бланкетным способом и недопущение неясности уголовно-правовой нормы. Рассмотрим правовую позицию Конституционного суда РФ по данному вопросу. Во-первых, в одном из постановлений Конституционного суда есть указание на

¹ Волженкин, Б. В. О содержании бланкетных диспозиций статей об экономических преступлениях в УК РФ : Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения. Материалы третьей научно-практической конференции / Б.В. Волженкин. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 2006. – 12 с.

то, что принцип правовой определенности, обязывающий законодателя формулировать уголовно-правовые предписания с наибольшей четкостью, позволяющей лицу сопоставлять с ним свое поведение, как дозволенное, так и запрещенное и предвидеть вызываемые этим поведением последствия, и не исключает введения в уголовный закон юридической конструкции бланкетного характера. Во-вторых, указал на необходимость оценки степени определенности находящихся в законе понятий, использовать не только сам текст закона и его формулировку, но и из их места в системе нормативных предписаний с учетом смежных составов преступления. В-третьих, Конституционный суд разрешил одну из проблем, которая была предметом научных дискуссий¹: конституционность бланкетной конструкции как таковой не ставится под сомнение и в случаях, если нормы, несоблюдение которых влечет уголовную ответственность, установлены подзаконными нормативными правовыми актами².

Рассмотрим проблему отнесения актов, к которым отсылает бланкетная норма, к источникам уголовного права. Мнения ученых правоведов, по данному вопросу разделились, рассмотрим некоторые из них:

1. Нормы иной отрасли принадлежности являются источником уголовного права. К.В. Ображиев полагает, что при бланкетной конструкции уголовного закона положения не уголовных нормативных правовых актов становятся неотъемлемой частью уголовно-правовых норм, и изменение этих актов влечет трансформацию содержания уголовного закона. К.В. Ображиев верно уточняет: "Однако при этом не уголовные нормативно-правовые акты не устанавливают признаков состава преступления; эти признаки, в том числе и

¹ Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. – Москва: Городец, – 2017. – 114 с.

² По делу о проверке конституционности положения статьи 2261 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 22-П // Официальный интернет-портал правовой информации : интернет-портал. –URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507220023> (дата обращения: 01.02.2021).

бланкетные, могут быть определены только УК РФ..."¹.

2. Рассматриваемые нормативные акты являются источниками уголовно-правовой нормы. Т.В. Кленова указывает, что «источником бланкетной уголовно-правовой нормы кроме уголовного закона выступают и нормативные акты других отраслей права».² Д.М. Пайвин в свою очередь с позиции логической нормы права, согласно которой понятие «норма права» шире понятия «статья нормативно правового акта», утверждает, «что нормы Уголовного кодекса РФ составляют санкции логических норм, диспозиции которых состоят из положений гражданского законодательства»³. Н.И. Пикуров указывает на полноту уголовно-правовой нормы: «это запрет как система объединенных в единый состав преступления признаков, содержащихся в различных нормативных предписаниях, к которым отсылает уголовный закон»⁴.

3. Как указывает Пшипий Р. М. «Нормативные правовые акты, к которым необходимо обращаться в процессе применения уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией для уяснения отдельных признаков состава преступления, относятся к источникам уголовного права не в формальном, а в материальном смысле»⁵.

¹ Ображиев, К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ображиев Константин Викторович ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва, 2014. – 31 с.

² Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т.В. Кленова. – Москва: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001. – 144 с.

³ Пайвин, Д. М. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности: специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени кандидат юридических наук / Пайвин Денис Михайлович ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2015. – 34 с.

⁴ Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1998. – 99 с.

⁵ Пшипий, Р. М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК) : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Пшипий Рустам Махмудович ; Кубанский государственный аграрный университет – Краснодар, 2015. – 12 с.

Изучение научных трудов отечественных правоведов позволило сделать вывод, что позиция авторов, признающих нормативные акты, к которым отсылает бланкетная диспозиция, формальным источником уголовного права, является скорее исключением, нежели правилом. Причина такой ситуации очевидна: налицо противоречие постулату об уникальности УК РФ как акта, составляющего уголовное законодательство России. Представляется, что применительно к Особенной части¹ уголовного права действительно неверно рассматривать акты, к которым отсылает бланкетная диспозиция, в качестве формального источника.

Утверждение о наличии сформулированных признаков преступлений, помимо уголовного, в иных законах и нормативных актах является дискуссионным. Оно противоречит закреплённому в ст. 3 УК РФ принципу законности, в соответствии с которым только УК РФ определяет, какие деяния являются преступными, и устанавливает наказание за их совершение. Использование законодателем бланкетных признаков и терминов, заимствованных из иных кодексов и федеральных законов, объясняется особенностями предмета уголовного права. Преступными признаются посягательства на наиболее важные общественные отношения, которые не могут оставаться вне правового регулирования. Поэтому нельзя отрицать значение иных, помимо уголовного, законов для уяснения содержания признаков составов преступлений, но сами эти признаки могут быть предусмотрены только УК РФ.

Если говорить о гражданском законодательстве, то в нем закреплены правила, закрепляющие законный порядок гражданского оборота, раскрывается содержание различных институтов гражданского права и смысл цивилистической терминологии и предусмотрены гражданско-правовые санкции за нарушение данных норм.

Таким образом, утверждать, что нормы гражданского права – формальный источник уголовного права – просто нелогично. В уголовном законе

¹ Коняхин, В. П. Об источниках уголовного права применительно к Общей части УК РФ : Российское уголовное право. Общая часть / В. П. Коняхин, М. Л. Прохорова. – Москва : Контракт, 2014. – 74 -75 с.

закрепляются противоправные деяния, имеющие максимальную степень общественной вредности, именуемой общественной опасностью. Задача уголовного права отнюдь не сводится к тому, чтобы установить санкцию за нарушение всех гражданско-правовых отношений. Так, например, по ст. 170 УК РФ наказуемым является не само по себе совершение незаконной сделки с недвижимым имуществом (такая сделка в соответствии с гражданским законодательством может быть оспоримой или ничтожной), а ее регистрация, совершенная из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения.

Если говорить о формулировке статьи Особенной части уголовного закона, то следует признать, что гражданско-правовые положения содержательно вплетены в канву состава преступления, но лишь постольку, поскольку состав описан с использованием цивилистической терминологии и законодатель подразумевает обращение к институтам права гражданского. Например, чтобы квалифицировать действия лица по ст. 170 УК РФ, при установлении объективной стороны правоприменитель должен с помощью актов гражданского законодательства уяснить, в зависимости от обстоятельств совершения конкретного деяния, порядок ведения государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а также правила определения кадастровой стоимости объектов недвижимости.

В контексте всего вышеизложенного, можно сформулировать ряд выводов, характеризующих взаимосвязь между нормами гражданского и уголовного права при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Во-первых, наличие этой связи выражено технико-юридическим оформлением статьи, при описании состава преступления бланкетным способом.

Во-вторых, нормы гражданского права не следует признавать ни формальными, ни материальными источниками уголовного права.

В-третьих, значение легальных дефиниций гражданского права должно сохраняться как на законодательном уровне при формулировании текста статей Особенной части УК РФ, так и при обобщении материалов судебной практики Пленумом Верховного Суда и правоприменителем в уголовно-правовой сфере.

В-четвертых, представляется обязательным указание в мотивировочной части приговоров по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности на конкретные нормы гражданского права, потребность обращения к которым возникает в процессе квалификации деяния. При этом необходимо учитывать правила действия уголовного закона во времени и распространять их на гражданское законодательство, то есть применять редакцию нормативного правового акта цивилистической направленности, необходимого для установления признаков состава преступления, действовавшую во время совершения уголовно наказуемого деяния.

2 РОЛЬ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Влияние норм гражданского права на установление объективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности

Под составом преступления в юридической науке принято понимать совокупность (систему) объективных и субъективных признаков характеризующие общественно опасное деяние как преступление.

К объективным элементам состава относят объект (общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств) и объективную сторону (внешнее проявление преступного посягательства). Объект включает следующие признаки: общественные отношения, предмет преступления, потерпевший; объективная сторона – общественно опасное деяние в форме действия или бездействия, общественно опасные последствия, причинно-следственная связь между ними, способ, место, время, обстановка, орудие, средство совершения преступления. Обязательным признаком объекта выступают общественные отношения, объективной стороны – общественно опасное деяние (в форме действия или бездействия), а для материального состава также общественно опасные последствия и их причинно-следственная связь с деянием.

Прежде чем характеризовать конкретные объективные признаки составов преступлений в сфере экономической деятельности, следует отметить динамичность положений уголовного закона, содержащихся в главе 22 УК РФ. В результате исторически изменчивой политической ситуации в России менялся и подход законодателя к определению круга общественных отношений в сфере экономической деятельности, подлежащих уголовно-правовой охране. И. А. Клепицкий приходит к обоснованному выводу о том, что в главу 22 действующего уголовного закона вошли 1) универсальные нормы, существовавшие в праве России до революции 1917 г., воспринятые советским законодателем и перешедшие (в обновленном виде) в УК РФ (175, 180, 186, 191, 198-199.2); 2) норма, унаследованная (в обновленном виде) от советского права (ст. 192); 3) нормы, сформировавшиеся под влиянием зарубежного и

дореволюционного русского права (171, 172, 174, 174.1, 176, 178, 183, 185, 185.1, 187, 189, 195-197); 4) новые нормы, оригинальное российское нормотворчество конца XX в. (169, 171.1, 177, 179, 181, 184, 190, 193, 194)¹. С момента выхода исследования И. А. Клепицкого (2005 г.) утратили силу анализируемые им статьи 173, 182, 188, однако в главу 22 УК были добавлены новые нормы, содержание которых позволяет дополнить его классификацию предписаниями. К числу самых актуальных примеров можно отнести статьи 200.3, 200.4, 200.5, 200.6, 200.7 УК РФ.

На момент введения в действие УК РФ его глава 22 включала 32 статьи с описанием соответствующих составов преступлений, а в настоящее время действуют 59 статей, периодически обрастающих дополнительными частями. Результаты одного из недавних исследований Н. А. Лопашенко впечатляют: с момента принятия УК РФ до 2018 г. 83,3 % статей главы 22 были изменены².

Видовой объект рассматриваемой группы преступлений в сфере экономики – отношения в сфере экономической деятельности – весьма неоднороден: в круг уголовно-правовой охраны входят связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности налоговые, кредитные, таможенные отношения; социальные связи в сфере рынка ценных бумаг, банкротства, управления юридическими лицами, оборота драгоценных металлов, алкогольной продукции, участия в долевом строительстве, сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд и др. Классифицировать имеющиеся составы преступлений на виды с учетом специфики разнообразных охраняемых отношений (а значит, объекта) возможно лишь на доктринальном уровне, поскольку в структуре главы 22 УК РФ названия подвидовых объектов не нашли отражения.

¹ Клепицкий, И. А. Система хозяйственных преступлений / И. А. Клепицкий. – Москва: Статут, 2015. – 64 с.

² Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона / Н. А. Лопашенко, Н. А. Лопашенко // Законы России: Опыт, Анализ, Практика. – 2018 – № 2. – 25 - 33 с.

Так, например, Н. А. Лопашенко, используя в качестве классификационного критерия принципы осуществления экономической деятельности, выделила виды объектов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ. Это общественные отношения, отвечающие 1) принципу свободы экономической деятельности; 2) принципу осуществления экономической деятельности на законных основаниях; 3) принципу добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности; 4) принципу добропорядочности субъектов экономической деятельности. Также ученый отдельно останавливается на сугубо уголовно-правовом принципе, который сформулирован ею как запрет заведомо криминальных форм поведения при осуществлении экономической деятельности¹.

М. В. Талан в зависимости от непосредственного объекта посягательства группирует преступления в сфере экономической деятельности на: 1) преступления, связанные с нарушением установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности; 2) преступления, направленные на недопущение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции; 3) таможенные преступления; 4) преступления в сфере финансовой деятельности². К пятой группе было отнесено преступление, связанное с нарушением прав потребителей, однако в декабре 2003 г. деяние, предусмотренное ст. 200 УК, было декриминализовано.

Как отмечалось ранее, связь между нормами уголовного и гражданского права при регламентации отношений в сфере экономической деятельности очевидна уже на уровне законотворчества. Прежде всего, заметим, что изменения гражданского законодательства в определенной сфере могут вызвать вопрос о

¹ Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Лопашенко Наталья Александровна ; Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина – Москва, 2017. – 33 - 34 с.

² Талан, М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Талан Мария Вячеславовна ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2002. – 86-90 с.

круге охраняемых общественных отношений и, вместе с тем, и объеме запрещенных деяний. Ярким примером служит ст. 171 УК РФ, предусматривающая ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или лицензии в случаях, когда последняя обязательна.

На важность учета норм законодательства о лицензировании указывает п. 17 постановления № 23 Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», из которого следует, что если лицо в нарушение требований закона о получении соответствующего специального разрешения (лицензии) осуществляло один из видов лицензируемой деятельности, а впоследствии соответствующий вид деятельности был исключен из перечня лицензируемых, то в действиях лица отсутствует состав преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ¹.

Для того чтобы привлечь к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 171 УК РФ за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации, недостаточно доказать только факт отсутствия соответствующей записи в едином государственном реестре о регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя - требуется установить факт осуществления именно предпринимательской деятельности, что на практике вызывает наибольшие сложности.

В соответствии с п. 1 ст. 2 ГК РФ под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная деятельность, осуществляемая на свой риск, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг².

¹ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве (с изменениями и дополнениями) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 г. № 23 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации (<https://genproc.gov.ru/>) : [сайт]. – URL: <http://base.garant.ru/1353895/#friends#ixzz5FdkpxEuN> (дата обращения: 15.03.2021).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994

Несмотря на закрепление на законодательном уровне определения предпринимательской деятельности, на практике встречается немало сложностей с установлением признака систематического получения прибыли, необходимого для привлечения к уголовной ответственности за незаконное предпринимательство при наличии иных обязательных элементов указанного состава преступления.

Так, сегодня сложилась спорная позиция относительно возможности сдачи недвижимого имущества в аренду без регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя.

В соответствии с позицией Министерства Российской Федерации по налогам и сборам в письме от 6 июля 2004 г. N 04-3-01/398 «О сдаче помещений в аренду (наем)», лицо, которое приобрело для личных нужд жилое помещение или иное недвижимое имущество либо получило его по наследству или по договору дарения, но в связи с отсутствием необходимости в использовании этого имущества, вправе временно сдать его в аренду или внаем. В данном случае арендодатель получает обусловленный договором аренды доход в виде арендной платы, являющийся объектом налогообложения по налогу на доходы по ставке 13%, но при этом не осуществляет на свой риск какой-либо экономической деятельности, поскольку именно арендатор осуществляет деятельность с использованием арендованного имущества¹.

В соответствии с п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. N 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»: - «для разрешения вопроса о предпринимательском характере деятельности судам

№ 51-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.03.2019).

¹ О сдаче помещений в аренду (наем) : Письмо Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 6.07.2004 № 04-3-01/398 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2021).

надлежит иметь в виду, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. С учетом этого указанные преступления следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности»¹.

В то же самое время судебная практика с изложенными позициями не согласна и подтверждает, что признак систематического получения прибыли трактуется неоднозначно.

Показательным в данном случае является приговор Октябрьский районный суд Ханты-Мансийского автономного округа 12 июля 2019 года по делу N 1-60/2019.

Так, «гр-н Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 Уголовного кодекса РФ. Как установил суд, 11 марта 2016 г. гр-н Бабушкин зарегистрировал в общую с индивидуальным предпринимателем гр-м К. равную долевую собственность два помещения площадью 174 и 181,9 кв. м, 14 мая 2018 г. - помещение общей площадью 434,7 кв. м, часть которого принадлежала ему, а 5/6 - гр-ну М. 4 апреля 2016 г. совместно с гр-м К., зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, - помещение общей площадью 218,5 кв. м, где ему принадлежало 0,274 доли помещения, а оставшиеся 0,726 доли - названным лицам. Сдавая вышеперечисленные помещения в период времени с 11 марта 2016

¹ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. N 48 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации (<https://www.vsrp.ru/>) : [сайт]. – URL: <https://www.vsrp.ru/files/6572/> (дата обращения: 10.05.2021).

г. по 22 июня 2018 г. в аренду, осуществляя таким образом предпринимательскую деятельность без регистрации, гр-н Б. последовательно, при этом занимая должности государственного гражданского служащего, умышленно, с целью личного обогащения извлек доход в крупном размере на общую сумму 4 157 066,43 рубля. Подсудимый гр-н Б. в обоснование своей позиции об отсутствии в его действиях преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство), указал, что доли в помещениях приобретал только для себя. И оплачивал налоги от доходов, поступающих от арендной платы, по ставке 13% от всех доходов с физического лица. Он не думал скрывать, что имеет доход от сданных в аренду помещений. Когда он только собирался приобрести доли в помещениях в собственность, он изучал нормативно-правовые документы, регламентирующие возможность сдачи в аренду имущества физическим лицом без осуществления предпринимательской деятельности. На момент, когда он присоединялся к договорам аренды, по сдаче внаем принадлежащих ему долей в помещениях совместно с сособственниками, запрета на это не содержал ни один нормативный акт»¹.

Приведенный пример из судебной практики, являющийся далеко не единственным, указывает на то, что деятельность, направленную как на систематическое получение прибыли, так и на получение прибыли разово, но от объекта коммерческой деятельности, следует квалифицировать как предпринимательскую, которая должна осуществляться при условии регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица.

Данную позицию следует учитывать при установлении признаков незаконного предпринимательства, за совершение которого предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. При этом указанную позицию разделяет и Министерство Российской Федерации по налогам и сборам в

¹ Приговор Октябрьского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 12 июля 2019 г. по делу № 1-60/2019. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : интернет-портал. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.04.2021).

письме от 7 мая 2019 г. N СА-4-7/8614, в соответствии с которым «квалификация сделок по отчуждению товаров, работ, услуг и имущественных прав как хозяйственных операций, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, возможна в том числе в силу длительности, систематичности и массовости действий, направленных на их приобретение и продажу»¹.

Закономерно встает вопрос о том, что объективную сторону незаконного предпринимательства необходимо характеризовать в УК РФ тремя (а не двумя) формами преступной деятельности².

Так же остро стоит проблема оборота криптовалют, набрав свою актуальность именно в рамках противодействия преступности.

В январе 2018 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона «О цифровых финансовых активах»³, предлагающий закрепить понятия «токен», «криптовалюта», «майнинг». В свою очередь, чтобы устранить неточности этого законопроекта, депутаты В. В. Володин и П. В. Крашенинников 26 марта 2018 г. представили новый законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», которым предполагается введение понятий «цифровое право», «цифровые деньги»⁴. До сих пор данный вопрос российским гражданским и финансовым правом не урегулирован. И если в течение длительного периода различные государственные органы в целом негативно оценивали существование

¹ О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с квалификацией деятельности физических лиц в качестве предпринимательской в целях налогообложения : Письмо ФНС России от 7.05.2019 № СА-4-7/8614 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.04.2021).

² Лескова, Ю. Г. Незаконное предпринимательство : изменение признаков состава уголовного преступления в свете реформирования гражданского законодательства / Ю. Г. Лескова, А. А. Диденко // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 1. – 96-104 с.

³ О цифровых финансовых активах : (Проект федерального закона) // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – 2018. – URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810 (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации : Проект федерального закона № 424632-7 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2021).

криптовалюты, правоохранители хоть и указывали на возникающие на практике сложности в юридической оценке содеянного, тем не менее должны были найти оптимальное решение этого замкнутого круга. Сначала при рассмотрении судами уголовных дел в качестве доказательств совершения преступления признавались устройства, подтверждающие операции с криптовалютой (в частности, мобильный телефон с установленной на нем программой «Bitcoin» и сохраненным фотоизображением надписи в виде последовательности букв и цифр, необходимой для проведения операции в пиринговой платежной интернет-системе¹). Позднее, с учетом положений международного права, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174.1. УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления².

Обозначенная проблема поднимает вопрос об использовании недопустимых для уголовных правоотношений, но возможных для гражданских аналогии закона и аналогии права. Если в приведенной выше ситуации прерогативой на правовое регулирование обладают не только гражданское, но и финансовое право, то в определенных условиях (ст. 6 ГК РФ) к отношениям исключительно гражданско-правового характера, не получившим законодательной регламентации, применяются нормы, регулирующие сходные отношения, а при отсутствии таковых – общие начала и смысл гражданского законодательства. Стало быть, в процессе юридической оценки деяния, связанного с гражданским правоотношением и содержащего признаки состава преступления,

¹ Приговор Сургутского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 10 сентября 2019 г. по делу № 1-54/2019. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : интернет-портал. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2021).

² О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации (<https://www.vsrfr.ru/>) : [сайт]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8442/> (дата обращения: 10.05.2021)

правоприменитель в уголовно-правовой сфере не может ссылаться на неурегулированность данных правоотношений гражданским законодательством. Приведенные примеры еще раз подтверждают важность учета системных свойств права и согласованного действия норм различных его отраслей при определении правовых границ общественных отношений в сфере экономической деятельности.

Остановимся на некоторых основных позициях, которые нужно учитывать при определении влияния норм гражданского права на установление объективных признаков. Прежде всего отметим, что формулировки статей главы 22 УК РФ изобилуют гражданско-правовыми терминами и понятиями, однако это не значит, что для установления каждого признака объекта и объективной стороны состава конкретного преступления правоприменителю нужно выявлять и проверять их значение. Так, характеристика потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 169 УК, не требует детального изучения регулятивного законодательства, поскольку значение терминов «юридическое лицо» и «индивидуальный предприниматель» понятны и доступны. Вместе с тем, заметно несоответствие между употреблением данных терминов в уголовном законе и тем содержанием, что вкладывается в них гражданским законодательством. Дело в том, что как юридическое лицо, так и индивидуальный предприниматель признаются таковыми как раз после прохождения процедуры государственной регистрации. В диспозиции статьи же содержится формулировка «отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица». Представляется, что по смыслу статей 23 и 48 ГК РФ правильнее было бы после слова «регистрации» добавить «в качестве». И, тем не менее, говорить о том, что содержание норм гражданского права всегда необходимо для установления потерпевшего, ошибочно. Может понадобиться обращение к ним, например, для того, чтобы через потерпевшего (в зависимости от предполагаемой в будущем организационно-правовой формы) определить регистрирующий орган.

Что касается объективной стороны состава преступления, предусмотренного названной статьей, то она характеризуется совершением

деяния путем: 1) неправомерного отказа в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица; 2) уклонения от регистрации; 3) неправомерного отказа в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности; 4) уклонения от его выдачи; 5) ограничения прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица в зависимости от организационно-правовой формы; 6) незаконного ограничения самостоятельности; 7) иного незаконного вмешательства в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица. Рассматривая имеющуюся в диспозиции статьи гражданско-правовую терминологию, отметим, что общеупотребимым и однозначно понимаемыми являются сами по себе институты государственной регистрации и лицензирования отдельных видов деятельности. Знание всех нюансов предусмотренных ими процедур, описанных в специальном законодательстве, для квалификации не требуется, однако по первому виду предусмотренного статьей деяния нужно выяснить, в каких случаях отказ в государственной регистрации или выдаче лицензии является правомерным. В то же время, говорить о влиянии норм ГК, устанавливающих допустимые в РФ организационно-правовые формы юридических лиц, на содержание пятого (из указанных выше) варианта объективной стороны, не приходится. Видно, что определенное юридическое лицо было ограничено в правах, поскольку является, например, унитарным предприятием, не определяет суть деяния. Для характеристики объективной стороны в данном случае имеет значение только конкретная форма ограничения прав и законных интересов потерпевшего, а не весь правовой массив, регламентирующий деятельность унитарных предприятий.

В каких же случаях действительно от норм гражданского права зависит результат квалификации? Прежде всего, к гражданскому законодательству необходимо обратиться, чтобы уяснить требования, предъявляемые к лицу, желающему пройти государственную регистрацию. То есть в самом регулятивном законодательстве не содержатся признаки состава преступления. Для

квалификации оно применяется по принципу «от обратного»: зная, в каких случаях отказ в государственной регистрации или выдаче специального разрешения (лицензии) будет правомерным, мы приходим к выводу о том, когда он будет противоправным. По такому же принципу устанавливается и ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица и иные формы деяния, предусмотренного настоящей статьей.

На примерах из судебной практики определим роль норм гражданского законодательства в процессе установления объективных признаков составов преступлений. Прежде всего, стоит отметить, что в описательно-мотивировочной части приговоров суд иногда указывает на то, что та или иная область экономической деятельности регулируется именно гражданским законодательством. Например, в приговоре¹ в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ, отмечено, что он действовал в нарушение требований главы III Федерального закона № 129-ФЗ от 08 августа 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»². Здесь можно говорить об определении объекта посягательства. Далее в тексте приговора указано, что лицо подало документы, предусмотренные ст. 12 данного закона, в налоговую инспекцию для регистрации юридического лица. Стоит обратить внимание, что в данной норме содержится требование достоверности представленных для государственной регистрации сведений, однако вывод о преступности деяния делается не только на основе нарушения данного требования, ведь при квалификации используется понятие подставного лица, закрепленное в примечании к ст. 173.1 УК РФ. Отсылка к ст. 12 в данном случае используется

¹ Приговор Нижневартковского городского суда г. Нижневартовск от 17 октября 2019 г. по делу № 1-59/2019. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : интернет-портал. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HZGDAX6nY1Zm/> (дата обращения: 15.02.2021).

² О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон № 129-ФЗ от 08 августа 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001 г. – № 33 (часть I). - Ст. 3431.

для констатации передачи необходимых для государственной регистрации документов. Поскольку все из них были подготовлены в соответствии с требуемой формой и были представлены в полном объеме, положения приведенной статьи в данной ситуации сами по себе не послужили основой для вывода о преступности деяния. В то же время, достаточность полученных от предполагаемого предпринимателя документов позволяет сделать вывод о законности и обоснованности действий сотрудника налоговой инспекции. Однако если бы правоохранительные органы в процессе изучения представленных для государственной регистрации документов установили отсутствие или, например, грубое нарушение формы одного из тех, что указаны в ст. 12 названного закона, юридическая квалификация могла измениться. В частности, в такой ситуации возникает вопрос о преступном сговоре между лицом, подавшим документы, и представителем регистрирующего органа.

Также в судебной практике можно найти примеры, когда норма ГК не влияет на квалификацию. Гр. П., являясь учредителем и единоличным исполнительно-распорядительным органом юридического лица, злостно уклонилась от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего решения Арбитражного суда. Как следует из приговора, в материалах дела содержалось заключение финансово-экономической экспертизы, в которой отмечено, что П. имела возможность с учетом очередности осуществления платежей, установленной ст. 855 ГК РФ, погасить кредиторскую задолженность правомерно. Сторона защиты указывала на недопустимость отсылки к данной статье. Однако суд отметил, что экспертом не допущено толкования указанной нормы права, а приведенные её положения использованы именно для ответа на поставленные перед экспертом вопросы с перечислением конкретных видов и назначений платежей¹. Таким образом,

¹ Приговор Ханты-Мансийского городского суда г. Ханты-Мансийска от 28 мая 2020 г. по делу № 1-526/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : интернет-портал. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AGmG0bdHhK55/> (дата обращения: 11.03.2021).

положения гражданского законодательства в данном случае лишь позволили дополнительно охарактеризовать обстоятельства совершения преступления, однако не оказали влияния на квалификацию содеянного.

Интересно, что в данном случае на злостность уклонения от погашения кредиторской задолженности, среди прочих факторов, указывал и факт попытки П. перевести долг после реорганизации юридического лица иному лицу-правопреемнику. Арбитражный суд не допустил такую замену должника, однако в этой связи следует отметить следующее. Даже если бы произошла законная замена стороны исполнительного производства, правопреемник в таком случае не должен нести уголовную ответственность по ст. 177 УК РФ, в противном случае нарушаются основные принципы уголовного законодательства.

На данном примере рельефно отражена ситуация, когда попытки лица использовать гражданское законодательство недобросовестно приводят субъекта квалификации к выводу о его преступном умысле.

Что касается квалифицирующих признаков составов, входящих в главу 22 УК РФ, примечательно, что чаще всего в их качестве выступают объективные признаки (особенно преступные последствия, соучастие в различных формах), в меньшей степени – субъективные.

Обращает на себя внимание конструкция статей рассматриваемой главы. Дело в том, что в ряде случаев в одну статью включены несколько основных составов, что отличается от привычного размещения квалифицированных составов в частях второй, третьей и последующих. В числе объективных квалифицирующих признаков составов преступлений в главе 22 УК РФ² можно назвать следующие:

1. причинение крупного ущерба (ст. 169, 183);
2. причинение особо крупного ущерба (ст. 170.2, 178, 185.2, 200.4);
3. деяние, совершенное в крупном размере (174, 174.1, 175, 186, 193.1, 200.5);

4. совершение деяния в особо крупном размере (171.1, 171.3, 174, 174.1, 191.1, 193, 193.1, 194, 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3, 199.4, 200.1, 200.3, 200.5);
5. извлечение дохода в крупном размере (171.2);
6. извлечение дохода в особо крупном размере (171, 171.2, 172, 178);
7. деяние, сопряженное с привлечением денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в особо крупном размере (172.2);
8. причинение ущерба в особо крупном размере гражданам, организациям или государству либо извлечение излишнего дохода или избежание убытков в особо крупном размере (185.3);
9. совершение деяния группой лиц (200.1);
10. совершение деяния группой лиц по предварительному сговору (171.1, 171.2, 173.1, 174, 174.1, 175, 180, 185, 185.2, 185.4, 189, 191, 191.1, 193, 193.1, 194, 199, 199.4, 200.2, 200.3, 200.4, 200.5);
11. совершение деяния организованной группой (171, 171.1, 171.2, 171.3, 172, 174, 174.1, 175, 179, 180, 181, 184, 185, 185.2, 185.3, 185.4, 186, 187, 189, 191, 191.1, 193, 193.1, 194, 200.2);
12. совершение деяния с применением насилия (179);
13. совершение деяния, сопряженного с насилием или с угрозой его применения (170.1, 178);
14. уничтожение или повреждение чужого имущества либо угроза его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства (178);
15. тяжкие последствия (183);
16. с использованием заведомо подложного документа (193);
17. с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль (194);
18. деяние сопряжено с вымогательством предмета подкупа (200.5).

Как видно, установление квалифицирующих признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности часто связано с определением

ущерба, дохода, размера. В настоящее время в УК содержится стоимостное выражение 84 данных категорий, однако не приводится их содержание: возможен ли учет упущенной выгоды, что считать полученным доходом и т. д. Частично такая характеристика содержится в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, что не исключает ведущиеся в науке по сей день споры в этой области¹.

На основе вышеизложенного можно сформулировать основные выводы. Поскольку статьи, входящие в главу 22 УК РФ, призваны охранять сферу экономической деятельности от преступных посягательств, их текстуальное оформление немислимо без понятийно-категориального аппарата, выработанного гражданским правом. Однако это не значит, что каждое употребленное законодателем не уголовно-правовое понятие предопределяет результат квалификации.

Положения гражданского законодательства, от которых зависит установление обязательных признаков состава, влияют на квалификацию содеянного. В наибольшей степени это проявляется как раз при определении объективных признаков состава преступления. Обращение к отдельным гражданско-правовым нормам позволяет уточнить и факультативные признаки состава преступления. В таком случае дополняется юридическая характеристика деяния, но эти нормы сами по себе не предопределяют вывод о его преступности. Если нормы гражданского права регулируют общественные отношения в сфере экономической деятельности, однако нет необходимости в их учете для установления признаков состава конкретного преступления, то они не влияют на квалификацию.

При установлении объективных признаков состава преступления в сфере экономической деятельности в ряде случаев необходимо учитывать не только

¹ Осипов, И. В. Актуальные вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по признакам ущерба, дохода и размера / И.В. Осипов // Сборник научных трудов по материалам V международной научной конференции «Научные тенденции: юриспруденция». – 2017. – № 1. – 23-26 с.

гражданско-правовые нормы, но и специфику гражданских правоотношений, сопутствующих содеянному.

2.2. Влияние норм гражданского права на установление субъективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности

Необходимость установления объективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности с помощью норм иной отраслевой принадлежности отмечается в отечественной доктрине довольно часто. В свою очередь, особенности учета норм гражданского законодательства при установлении субъективных признаков в значительно меньшей степени отражены в научной литературе.

Прежде всего отметим, что субъекту преступления – вменяемому физическому лицу, достигшему возраста, с которого по закону может наступать уголовная ответственность, – присущи значимые с точки зрения уголовного закона 3 характеристики: физическое свойство, возраст и вменяемость. Субъективную же сторону состава преступления как внутреннее проявление преступного поведения лица, его психическое отношение к деянию и его последствиям, составляют 4 признака: вина, мотив, цель, эмоциональное состояние (последнее выделяется не всеми авторами и практически не находит отражение в УК в качестве признака состава преступления).

Определим роль положений гражданского законодательства в установлении статуса субъекта преступления. Согласно ст. 19 УК РФ таковым признается только вменяемое физическое лицо, достигшее закрепленного уголовным законом возраста наступления уголовной ответственности. Уголовная правоспособность включает право на охрану от преступных посягательств, а также неприкосновенность от необоснованного применения уголовно-правового воздействия. Круг субъектов гражданских правонарушений шире, поскольку включает в себя также юридических лиц и публично-правовые образования.

Известно, что в настоящее время, несмотря на продолжающуюся дискуссию по этому вопросу¹, российское уголовное законодательство не признает двух последних субъектами преступления, в отличие от законодательства ряда зарубежных стран. Так что физическое свойство субъекта преступления никак не может определяться положениями гражданского права.

В то же время, круг субъектов-физических лиц конкретного преступления может уточняться из-за изменений гражданского законодательства. Примером может послужить новая редакция ст. 23 ГК после принятия федерального закона от 26 июля 2017 г. «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» № 199-ФЗ². Теперь в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности даже без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Речь идет о физических лицах, так называемых самозанятых, оказывающих на индивидуальной основе по найму отдельные услуги другим физическим лицами. Конкретные виды возможной деятельности могут определяться как на федеральном, так и региональном уровнях.

По мнению разработчиков закона, эти изменения позволят снизить уровень неформальной занятости экономически активного населения и станут правовой основой для выполнения поручения Президента РФ от 21 сентября 2016 г., данного на заседании созданного при нем Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам: «исключить любые возможности признания деятельности самозанятых граждан незаконным предпринимательством»³.

¹ Наумов, А. В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) / А.В. Наумов // Право и государство. – 2017. – № 1. – 65 с.

² О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 26.07.2017 № 199-ФЗ // Российская газета. – 2017. – № 167.

³ Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21 марта 2019 г. // Сайт президента России : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56863> (дата обращения: 21.05.2021).

Следует отметить, что количество официально зарегистрированных в таком качестве лиц несопоставимо мало в сравнении с теми, кто продолжает работать «на себя» без уведомления о своей деятельности. В связи с этим, различные государственные органы (в том числе, и Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей) продолжают обсуждать варианты дальнейшей правовой регламентации активности самозанятых граждан. Таким образом, законодательная база в этой сфере находится еще на стадии формирования. Указанные нововведения должны учитываться правоприменителем при квалификации содеянного по ст. 171 УК РФ: самозанятые граждане (осуществляющие предпринимательскую деятельность законно) не могут признаваться субъектом данного преступления.

Возраст наступления уголовной ответственности по общему правилу составляет 16 лет. Пониженный возрастной порог в рамках ч. 2 ст. 20 УК РФ для субъектов преступлений в сфере экономической деятельности не предусмотрен. С точки зрения гражданского же права (п. 1 ст. 21 ГК РФ) дееспособность, а с ней и деликтоспособность, возникают в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста (Именно в этом значении, то есть со ссылкой на восемнадцатилетний возраст, термин «несовершеннолетний» используется в УК, например, в ст. ст. 131, 150 и других статьях). Однако следует учитывать тот факт, что лицо, вступившее в порядке исключения в брак до 18 лет, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в него. Полную дееспособность гражданин может приобрести в 16 лет также с помощью процедуры эмансипации. В этом случае несовершеннолетний, работающий по трудовому договору или занимающийся предпринимательской деятельностью, самостоятельно несет ответственность по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда. Таким образом, возраст субъекта преступлений в сфере экономической деятельности (16 лет) вполне согласуется с возможностями гражданина заниматься

предпринимательской деятельностью, однако не зависит от положений ГК РФ в этой части.

В литературе отмечается, что с его помощью из всех субъективных признаков состава могут определяться именно признаки специального субъекта (если они предусмотрены соответствующей статьей Особенной части УК РФ)¹. Применительно к главе 22 УК РФ это могут быть, например, лица, использующие свое служебное положение, члены жюри официальных спортивных соревнований или коммерческих конкурсов (примечательно, что признак специального субъекта в ч. 4 ст. 184 УК РФ делает состав квалифицированным), руководитель или учредитель юридического лица, индивидуальный предприниматель. Правовое положение данных лиц определено в регулятивном законодательстве, а потому учет его предписаний для правоприменителей в ряде случаев является обязательным.

Примечательно, что обычно законодатель при формулировании статьи Особенной части УК бланкетным способом указывает только на сферу правового регулирования, то есть мы сами понимаем, к какому конкретно нормативному правовому акту нужно обратиться. Исключением в этом смысле в главе 22 УК является ст. 171.4, примечание к которой для установления специального субъекта прямо указывает на Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». Так, в примечании сказано, что лица, признаваемые сельскохозяйственными товаропроизводителями в соответствии с названным законом, и осуществляющие розничную продажу вина и игристого вина, не признаются субъектом преступления.

Следует учесть, что для признания лица субъектом преступления необходимо обращаться не только к нормативным правовым актам цивилистической направленности, но и учитывать локальные акты организации. Например, нужно проанализировать устав, чтобы оценить, действовал ли

¹ Рарог, А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог – Москва: Проспект, 2015. – 54 с.

руководитель (или иное лицо) юридического лица законно, осуществляя крупную сделку.

Основой субъективной стороны любого состава преступления является вина. Это форма психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям. Данная категория свою наиболее детальную теоретическую разработку получила именно в уголовном праве и практически в неизменном виде применяется в других отраслях права (в том числе и в гражданском), являясь неотъемлемой составляющей состава правонарушения.

В то же время в гражданском праве, в отличие от уголовного, для наступления ответственности, как правило, достаточно любой формы вины правонарушителя, причем имущественная ответственность может применяться и при отсутствии вины участника гражданских правоотношений, в том числе за вину иных (третьих) лиц. Потому и в гражданском процессуальном праве отсутствует презумпция невиновности, ведь лицо, совершившее правонарушение, определяется как причинитель вреда – нарушитель обязательств. Законодательство возлагает на него бремя доказывания собственной невиновности.

Отмечая недостатки легального определения понятия "предпринимательская деятельность" и связанные с ними сложности применения статьи 171 УК РФ, а также соглашаясь с учеными, считающими необходимым включение в формулу вины осознание лицом противоправности своих действий, считаем, что изначально законодатель допустил ошибку, установив уголовную ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без соответствующей регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Мы согласны с позицией ученых, которые доказывают необходимость декриминализации указанной деятельности¹. Полагаем, введение в УК РФ статьи

¹ Наумов, А. В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) / А.В. Наумов // Право и государство. – 2017. – № 1. – 65 с.

171 об уголовной ответственности за незаконное предпринимательство явилось следствием не только непродуманной правовой политики, но и инерции старого правового мышления, сформировавшегося при социализме при господстве его идеологических догм и стереотипов мышления, согласно которым любая частная инициатива индивида в экономических отношениях, приносящая ему доход, должна пресекаться на корню.

В судебной практике встречаются случаи, когда суд связывает осознание субъектом общественной опасности содеянного с выполняемой им трудовой функцией. Так, в одном из приговоров суд утверждает, что в силу занимаемой должности (заместитель директора) гражданин знал положения ГК РФ и ФЗ «О защите конкуренции», составляющие основу ведения предпринимательской деятельности¹. В свою очередь, приговоре в отношении лиц, со-вершивших деяния, предусмотренные п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 187 УК РФ, суд указал, что обвиняемые осознавали, что в соответствии с определенными положениями законодательства (далее отмечены конкретные статьи ФЗ «О банках и банковской деятельности», ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России), а также 4 правовых акта, утвержденных Центральным Банком РФ) для осуществления банковской деятельности и, соответственно, банковских операций необходима лицензия Центрального Банка России.

Вызывает сомнения необходимость отсылки к положениям гражданского законодательства через призму субъективной стороны, а именно интеллектуального момента умысла. Даже с учетом презумпции знания закона констатировать, что все субъекты преступления (не только специальный, но и общий) осведомлены о содержании как законов, так и подзаконных актов, к

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 19 сентября 2018 г. по делу № 1-523/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : интернет-портал.- URL: <https://sudact.ru/regular/doc/f72g4LeY2ib4/> (дата обращения:10.04.2021).

которым отсылает описанная бланкетным способом норма, едва ли возможно¹. В условиях постоянного изменения российского законодательства сохраняется проблема объективного вменения, которая требует дальнейшего научного осмысления. Представляется, что указание в описательно-мотивировочной части приговора на конкретные нарушенные регулятивные нормы обязательно. Однако это должно осуществляться через характеристику объективной стороны состава преступления.

Так, вина как признак состава преступления носит сугубо уголовно-правовой характер и не устанавливается с помощью норм гражданского законодательства. Д. Е. Пайвин в этой связи отмечал, «что признаки субъективной стороны являются характеристиками исключительно уголовных правоотношений и не существуют до совершения преступления, а, значит, нормами гражданского законодательства определяться не могут»². Однако здесь следует внести некоторые уточнения. Такие признаки как мотив и цель преступления, в отличие от вины, не существующей до и вне преступления, имеют допреступное происхождение. А. И. Рарог отмечает «мотив — это обусловленное определенными потребностями внутреннее побуждение, которым виновный руководствовался, а цель представляет собой субъективный образ желаемого результата действия или деятельности»³. Представляется, что мотив как побуждение (например, корыстный, личная заинтересованность) является однозначно понимаемым правоприменителем исходя из обычного жизненного и профессионального опыта и в принципе не требует обращения к нормам права. Людями движут различные мотивы, и они находят способы их реализации в

¹ Грошев, А. В. Институт юридической ошибки в контексте презумпции знания уголовного закона и защиты прав человека / А. В. Грошев // Современные проблемы уголовной политики. – 2016. – № 6. – 276-286 с.

² Пайвин, Д. М. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности: специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени кандидат юридических наук / Пайвин Денис Михайлович ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2015. – 34 с.

³ Рарог, А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог – Москва: Проспект, 2015. – 54 с.

определенных актах поведения. В свою очередь, в диспозициях ряда статей главы 22 УК РФ цель как обязательный признак состава сформулирована таким образом, что складывается впечатление, будто вывод о ее наличии в деянии отдельного лица можно сделать лишь на основе знания субъектом преступления определенных правовых положений. Так, например, среди целей совершения деяний, перечисленных в ст. 172.1 УК РФ указано сокрытие предусмотренных гражданским законодательством признаков банкротства. Получается, правоприменителю необходимо не только сопоставить фактическое положение имущественного состояния финансовой организации с признаками банкротства юридического лица, предусмотренными Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»¹. Если мы утверждаем, что лицо хотело скрыть признаки банкротства, значит, полагаем, что оно знало (с определенной долей условности можно также смоделировать ситуацию, когда неопытный сотрудник финансовой организации, услышав от коллег информацию о ее банкротстве, хочет помочь и вносит недостоверные сведения в документацию, указанную в диспозиции ч. 1 ст. 172.1 УК, не зная при этом содержание положений закона, определяющих признаки банкротства. В этой ситуации в процессе формирования у субъекта цели нормы гражданского права не участвуют даже опосредованно) положения гражданского законодательства, определяющего эти признаки. Затем обнаружило, что они характерны для существующего положения юридического лица, в котором оно осуществляет свою деятельность. Далее лицо совершает одно из альтернативных действий, указанных в диспозиции ст. 172.1 УК РФ, направленное на сокрытие признаков несостоятельности. Причем эти действия определяются при юридической квалификации как преступные потому, что не отвечают требованиям других норм гражданского законодательства, регламентирующих порядок внесения в документы и (или) регистры

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.05.2021).

бухгалтерского учета и (или) отчетность (отчетную документацию) необходимых сведений. В данной ситуации связь норм гражданского законодательства с признаками деяния и целью конкретного преступления имеет разный характер. В отличие от процесса установления деяния, вывод о цели, которую желал достичь субъект, не может базироваться на гражданском законодательстве.

В то же время, при квалификации преступления установление умысла может осуществляться с помощью анализа предшествующих гражданских правоотношений. Так, необходимо оценить реальные возможности у сторон к осуществлению договора. Наличие, например, форс-мажорных обстоятельств, препятствующих исполнению обязанностей по договору, не может говорить о преступном умысле.

Определенные особенности квалификации преступлений в сфере экономической деятельности при фактической ошибке выделяют в научной литературе. Нафиков М. М. отмечает, «что если при совершении умышленного преступления лицо добросовестно заблуждалось относительно общественной опасности своих действий, уголовная ответственность исключается»¹.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать ряд выводов. Несомненно, что ряд понятий гражданского и уголовного права внешне похожи, так как относятся к регламентации в определенной степени однопорядковых явлений. Однако отождествлять их нельзя. С другой стороны, можно наблюдать их корреляцию в контексте определения возраста наступления уголовной и гражданско-правовой ответственности за правонарушения в экономической сфере. Думается, что неуместно будет говорить о возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение деяния, содержащего признаки состава преступления в сфере экономической деятельности, лица, не являющегося в силу возраста деликтоспособным по гражданскому праву.

¹ Нафиков, М. М. Основные проблемы квалификации преступлений в сфере экономической и финансовой деятельности / М.М. Нафиков // Учёные записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. – 2017. – № 13. – 312 с.

В целом возраст уголовной ответственности, вменяемость и физическое свойство субъекта преступления устанавливаются исключительно УК РФ. В то же время, в гражданском законодательстве закрепляются круг субъектов и конкретные формы осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, что должно быть учтено субъектом квалификации.

Обращение к положениям гражданского законодательства часто является неотъемлемым компонентом правоприменительной деятельности при определении признаков специального субъекта преступления.

Установление признаков субъективной стороны не может базироваться на гражданском законодательстве. Данный тезис представляется верным вне зависимости от момента формирования (до, вовремя или после совершения деяния) в сознании субъекта вины, целей и мотива совершения преступления. Гражданско-правовые нормы не регламентируют внутренний психический процесс субъекта, даже если последний, перед тем как осуществить преступную деятельность, изучил положения гражданского права, действующие в конкретно сфере общественных отношений.

Исходя из действующего законодательства, как видится, привлечение лица к уголовной ответственности по статье 171 УК РФ возможно лишь в случае, когда будет доказано, что оно осознавало противоправность своих действий. Считаем, что осуществление предпринимательской деятельности в отсутствие государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя должно быть декриминализовано.

В создавшейся ситуации необходимо поставить вопрос о декриминализации предпринимательской деятельности, осуществляемой без госрегистрации или лицензирования, с одновременным усилением ответственности за криминальный бизнес и легализацию преступных доходов.

Уголовно-правовая политика должна стимулировать безопасное ведение бизнеса. Перенасыщение УК РФ «экономическими» статьями приведет к обратному результату.

3 РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДЕЛИКТОВ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ СОДЕЯННОГО

3.1. Сходные признаки преступлений и гражданско-правовых деликтов в сфере экономической деятельности

Как уже отмечалось выше, наиболее тесная связь между нормами уголовного и гражданского права прослеживается на примере главы 22 УК РФ. Существующая объективно, она находит текстуальное выражение при бланкетном способе описания состава преступления в уголовно-правовой норме. При этом, поскольку в гражданском праве есть свои меры привлечения к юридической ответственности, в процессе установления признаков содеянного и изучения содержания соответствующих ему уголовно-правовых норм перед правоприменителем стоит задача разграничить преступление и гражданско-правовой деликт.

Начиная анализ сходства и отличия признаков преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ и коррелирующих им гражданско-правовых деликтов, необходимо взять за основу следующий постулат. Гражданское законодательство, и прежде всего ГК РФ, не содержат исчерпывающего перечня гражданских правонарушений (деликтов). Это вполне понятно, так как гражданское право, являясь по своей природе диспозитивной отраслью, оставляет субъектам соответствующих отношений большую свободу в определении их взаимных прав и обязанностей, в том числе и взаимной ответственности. С. Ю. Рипинский обоснованно утверждает, что «в рамках гражданского законодательства невозможно предусмотреть все конкретные действия, нарушающие нормы гражданского права»¹. Весьма широк перечень видов защиты гражданских прав, начиная от самозащиты и заканчивая обращением в суд.

¹ Рипинский, С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям / С.Ю. Рипинский – Санкт-Петербург: Юрид. Центр Пресс, 2015. – 73 с.

Субъекты же уголовных правоотношений должны действовать исключительно в тех рамках, которые очерчены уголовным законом. Однако гражданское законодательство содержит и ряд императивных норм, нарушение которых в зависимости от конкретной ситуации может квалифицироваться и как деликт, и как административное правонарушение, и как преступное деяние.

Соотношение преступления и гражданского правонарушения В. В. Александровой определяется как отношение пересечения, поскольку одно деяние при наличии соответствующих условий может быть квалифицировано одновременно в качестве преступления и гражданского правонарушения как посягательств на публичный и частный уровни общественных отношений соответственно.

Названный автор отмечает, что проблема взаимоотношения преступлений в сфере экономики и гражданских правонарушений двухаспектна и выражается в: 1) установлении соотношения между указанными понятиями, когда в результате одного юридического факта наступают одновременно и уголовно-правовая, и гражданско-правовая ответственности; 2) определении критериев разграничения преступления и гражданского правонарушения, совершаемого при отсутствии соответствующего состава преступления¹.

Так, в рамках данного параграфа нашей задачей является установление и анализ преступлений и гражданско-правовых деликтов, обладающих общим признаком (признаками). При этом признаком состава преступления является обстоятельство преступления определенного вида, получившее закрепление в уголовном законе, характеризующее специфику данного преступления и отличающее его от преступлений других видов. При этом некоторые авторы вообще утверждают, что необходимо различать основания и условия гражданско-

¹ Александрова, В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Александрова Виктория Викторовна ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2018. – 10 с.

правовой ответственности. Так, В. А. Тархов полагает, что основанием рассматриваемой ответственности является противоправное поведение причинителя вреда, а остальные элементы состава правонарушения относятся к условиям ответственности¹. В связи с этим, нам необходимо будет решить вопрос о том, какие признаки образуют состав гражданского правонарушения.

Понятие преступления четко определено в ч. 1 ст. 14 УК РФ как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Данная дефиниция достаточно хорошо исследована в литературе, как и признаки преступления, через которые и формулируется его понятие. Сложнее обстоит дело с определением понятия «гражданское правонарушение (деликт)». Среди авторов, в разное время занимавшихся проблемой дефиниции гражданско-правового деликта следует выделить М. М. Агаркова², Е. Н. Агибалову³, К. М. Варшавского⁴. Вместе с тем, в большинстве работ, так или иначе посвященных проблемам гражданско-правового нарушения и ответственности, акцент делался именно на разработке вопросов, касающихся гражданско-правовой ответственности, при этом правонарушение как бы «растворялось» в ней.

В литературе давались и даются различные определения гражданского деликта, которые условно можно разделить на две группы. В рамках первой деликт возводится на уровень некоторой абстракции, будучи определен в целом как нарушение тех или иных норм гражданского права. Подобной позиции придерживался М. М. Агарков, который понимал под ним поведение человека,

¹ Тархов, В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В. А. Тархов. – Саратов; Сарат. ун-та, 1973. – 33 с.

² Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву : Избранные труды. Том I. / М. М. Агарков. – Москва : Юзират, 2002. – 30 с.

³ Агибалова, Е. Н. Состав гражданского правонарушения как основание деликтной ответственности / Е. Н. Агибалова // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. – 2015. – № 1/3. – 88 - 94 с.

⁴ Варшавский, К. М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда / К. М. Варшавский. – Москва: НКЮ РСФСР, 1929. – 54 с.

противоречащее норме права¹. Также под правонарушением понималось нарушение чужого субъективного права²; деликт характеризовался и как «правонарушение, совершенное в сфере имущественных и некоторых личных неимущественных отношений»³.

Иные авторы пытаются определить понятие гражданско-правового деликта через перечисление возможных вариантов противоправного поведения. С этой позиции правонарушение определяется как причинение неправомерными действиями вреда личности или имуществу гражданина, а также организации; неисполнение договорных обязательств, нарушение прав собственника, заключение противозаконной сделки и т. д.⁴.

Следует согласиться с В. В. Александровой, которая полагает, что в разработке понятия гражданского правонарушения нет особой внутриотраслевой необходимости. В перечень гражданских правонарушений попадают настолько различные по своей юридической природе явления, что объединить их в общее понятие практически невозможно⁵. Это могут быть нарушения диспозитивных и императивных норм, норм, порождающих абсолютные (например, право собственности) и относительные (договорные) правоотношения и т. д. Таким образом, деликт – это нарушение положений гражданского права, которое влечет возникновение гражданско-правовой ответственности и возможность применения способов защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 12 ГК РФ.

Уголовное право и уголовный закон оперируют понятиями «признаки преступления», а в вышеприведенных примерах речь идет об «условиях

¹ Агарков, М. М. Указ. соч. С. 407-425.

² Смирнов, В. Т. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве : учебное пособие / В. Т. Смирнов, А.А. Собчак. – Ленинград: ЛГУ, 1983. – 55 с.

³ Малько, А. В. Юридический энциклопедический словарь / А. В. Малько. – Москва: Проспект, 2017. – 116 с.

⁴ Матузов, Н. И., Теория государства и права : учебное пособие / Н.И. Матузов, А. В. Малько – Москва: Юристъ, 2016. – 444 с.

⁵ Александрова, В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Александрова Виктория Викторовна ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2018. – 86 с.

наступления ответственности», то есть по сути одно и то же явление получает различное наименование. Более того, в ст. 19 УК РФ «Общие условия уголовной ответственности» установлено, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». То есть к числу условий наступления уголовной ответственности законодатель относит только обязательные признаки субъекта преступления». Следовательно, по объему понятие «условия уголовной ответственности» уже, чем предлагаемое в науке гражданского права определение «условия гражданско-правовой ответственности».

Такая терминологическая путаница является излишней и не способствует правильному применению как уголовного, так и гражданского законодательства. Здесь вновь необходимо обратиться к философским категориям «причина» и «условие». В уголовном праве преступление (общественно опасное деяние) выступает причиной применения мер уголовно-правового характера. Условиями же, при которых наступает уголовная ответственность, можно признать наличие в деянии всех признаков состава соответствующего преступления. При этом законодатель непосредственно называет условиями уголовной ответственности только признаки субъекта преступления, хотя к их числу можно относить все признаки состава конкретного преступления, предусмотренного уголовным законом. Если какое-то условие привлечения к уголовной ответственности отсутствует, то рушится и состав преступления в целом.

Исходя из этого, в гражданском праве применительно к правонарушениям также следует говорить не об условиях наступления ответственности, а о признаках состава правонарушения. Общая теория права указывает, что четырехзвенная схема состава преступления с определенной спецификой присуща всем правонарушениям, в том числе и деликтам. Поэтому при квалификации преступлений в целях разграничения преступного деяния от гражданско-правового деликта следует исходить из признаков гражданско-правового нарушения:

1) объект правонарушения, то есть общественные отношения, которым причинен вред в результате совершения правонарушения, либо создана реальная угроза причинения такого вреда. Здесь в качестве дополнительных признаков необходимо указать лицо, которому причинен вред в результате совершения правонарушения, и предмет правонарушения. Так, при совершении ничтожной сделки вред для ее сторон может отсутствовать.

2) Объективная сторона правонарушения, включающая общественно вредное деяние, негативные последствия в виде различного по характеру вреда (имущественного или репутационного), предусмотренного гражданским законодательством, и причинно-следственную связь между ними.

3) Субъективная сторона – вина в форме умысла или неосторожности. При этом вина будет являться факультативным признаком гражданского правонарушения, о чем речь пойдет ниже.

4) Субъект правонарушения – физическое лицо, достигшее установленного гражданским законодательством возраста, в том числе индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, публично-правовые образования.

Любое правонарушение, являясь формально противоправным деянием, тем не менее, посягает на определенный объект, причиняет вред общественным отношениям или создает угрозу нанесения такого вреда. Поэтому гражданское правонарушение обязательно имеет определенный объект, который должен входить в его состав. Безобъектных гражданско-правовых нарушений быть не может. В этом плане можно говорить о наличии общего элемента состава преступления и деликта – объект посягательства. Речь идет об основном непосредственном объекте, который у смежных преступлений и деликтов, как правило, совпадает.

Ярким примером служит ст. 1069 ГК РФ, устанавливающая ответственность за незаконные действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов. Представляется, что данное деяние, отнесенное ГК РФ к разряду деликтов, не посягает на частные

отношения между субъектами, а как раз-таки будет носить публично-правовой характер.

Так, первый сходный общий признак составов преступления и правонарушения – это объект, который, согласно господствующей ныне точке зрения, представляют общественные отношения, на которые направлено посягательство.

Объективная сторона преступления и совпадающим ему гражданского правонарушения может совпадать полностью. Так, легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения преступления (ст. 174.1 УК РФ) состоит в совершении сделки с данным имуществом, которая сама по себе, будучи ничтожной, является гражданско-правовым деликтом.

Думается, что наличие общих (сходных) признаков преступлений в сфере экономической деятельности и гражданско-правовых деликтов усложняет процесс квалификации, ставя перед правоприменителем проблему «размежевания» преступлений и проступков. Однако решить эту проблему так или иначе придется, так как невозможно полностью и окончательно законодательным путем создать изолированные друг от друга составы преступлений и гражданских правонарушений. Немаловажным также является вопрос – возможна ли в таком случае квалификация по совокупности преступного деяния и гражданско-правового нарушения. Речь идет об идеальной совокупности преступлений и деликтов, так как возможность реальной совокупности в данной ситуации представляется бесспорной.

Рассмотрим данную ситуацию на примере ст. 179 УК РФ. Диспозиция ее включает принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, при отсутствии признаков вымогательства. Основным непосредственным объектом преступления

выступают общественные отношения в сфере реализации установленного порядка заключения сделок, основанного на свободе волеизъявления их участников. Объективная сторона состоит в принуждении, под которым понимается предъявление требования другому лицу подписать договор, выдать расписку, то есть вступить в сделку против его воли, либо отказаться от ее совершения. При этом виновный угрожает:

- 1) применением насилия;
- 2) уничтожением или повреждением чужого имущества;
- 3) распространением сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

С точки зрения гражданского права речь идет о совершении недействительной (оспоримой) сделки¹. В соответствии с п. 1 ст. 179 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием насилия или угрозы, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. При этом недействительная сделка является неправомерным юридическим действием², то есть гражданско-правовым деликтом. По объекту рассматриваемые правонарушения совпадают, таким образом, установлен первый общий (сходный) признак. Однако, если объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, выражается в принуждении (состав преступления формальный, деяние окончено с момента предъявления соответствующего требования), то объективная сторона деликта – в непосредственном совершении сделки. Здесь проявляется уже различие между составами правонарушений. Субъективная сторона преступления – прямой умысел, как и соответствующего деликта. По субъектному составу деяния различаются: в преступлении это только вменяемое физическое лицо, достигшее

¹ Камышанский, В. П. Гражданское право : учебное пособие / В. П. Камышанский, Н. М. Коршунов, В. И. Иванов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 300 с.

² Калпин, А. Г. Гражданское право : учебное пособие / А. Г. Калпин. – Москва: Юристъ, 2009. – 200 с.

установленного законом возраста; в гражданско-правовом нарушении это юридическое или физическое лицо, обладающее деликтоспособностью.

При разрешении данного вопроса возможны 3 варианта:

- 1) образуется идеальная совокупность преступления и гражданско-правового деликта;
- 2) преступление поглощает гражданско-правовой деликт;
- 3) имеет место реальная совокупность преступления и гражданско-правового нарушения.

Представляется, что верным является третий вариант квалификации. Идеальная совокупность здесь образовываться не может. Налицо совершение двух разных деяний. Первое из них преступное, то есть принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, второе – гражданско-правовое нарушение, то есть заключение недействительной (оспоримой) сделки. Поэтому и поглотить гражданско-правовой деликт преступление не может. Следовательно, мы имеем дело с реальной совокупностью преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ и гражданско-правового нарушения. При этом у них имеются как сходные признаки (объект и субъективная сторона), так и различные (характер деяния, субъект). Различными будут и правовые последствия рассматриваемых действий. Преступление влечет применение наказания или иных мер уголовно-правового характера, гражданское право предусматривает специфические правовые последствия недействительной сделки (возмещение ущерба, реституция).

Проведенный анализ схожих признаков преступлений и гражданско-правовых деликтов позволил сформулировать определенные выводы.

Прежде всего, разграничение преступления и гражданско-правового деликта осложнено отсутствием легальных дефиниций понятий «основание гражданско-правовой ответственности» и «гражданское правонарушение» в Гражданском кодексе РФ. Потому в процессе юридической квалификации отграничение преступления от гражданского правонарушения происходит исходя

из признаков состава преступления. Наибольшее сходство признаков преступления и гражданско-правового деликта проявляется по признакам объекта и объективной стороны.

3.2. Отличительные признаки преступлений и гражданско-правовых деликтов в сфере экономической деятельности

Задачей настоящего параграфа работы является установление тех признаков состава преступления и гражданского-правового деликта, которые не совпадают, различаются между собой, являются уникальными для каждого из этих правовых явлений.

В отличие от частноправовых деликтных отношений, охранительные уголовно-правовые отношения в качестве обязательной стороны включают государство, установившее запрет и получающее в связи с его нарушением право применить к виновному в принудительном порядке наказание или иные меры уголовно-правового воздействия¹.

Потому и уголовное право стоит на страже не всяких частных интересов, а только тех, которые имеют государственное значение. То есть наша задача – отграничить преступления в сфере экономической деятельности от нарушений тех норм гражданского права, за которыми «присматривает» государство, в которых прослеживается императивность.

Примечательно замечание В. В. Александровой о том, что на протяжении всей истории развития государства и права России в качестве основных критериев разграничения преступлений в сфере экономики и гражданских правонарушений выступали признаки субъективной стороны: преступная цель, направленность

¹ Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1998. – 93-106 с.

умысла¹. При этом автор формулирует единые критерии разграничения преступлений в сфере экономики и гражданско-правовых нарушений:

- 1) преступная цель и направленность умысла;
- 2) момент формирования умысла;
- 3) особенности деяния и способ его совершения².

О. Ф. Шишов отмечал, что отличие преступления от непреступных правонарушений можно провести по всем признакам преступления, исключая разве признаки деяния и вины, так как все проступки являются виновными и противоправными деяниями субъектов³. В этой связи стоит отметить, что в гражданском деликте вина не всегда выступает обязательным признаком и ГК РФ в определенных случаях предусматривает наступление гражданско-правовой ответственности за невиновное причинение вреда.

В литературе выделяется три основных критерия разграничения преступлений и иных правонарушений:

- 1) по объекту;
- 2) по степени общественной опасности (вредности);
- 3) исходя из конкретной противоправности.

Совершенно верно указывает Ю. В. Голик на то, что криминализация деяния должна производиться не произвольно, а с учетом объективности его общественной опасности. Именно этот критерий позволяет отграничить гражданские дела от уголовных. Например, невыплата долга должником – дело

¹Александрова, В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Александрова Виктория Викторовна ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2018. – 68 с.

² Александрова, В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Александрова Виктория Викторовна ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2018. – 69 - 82с.

³ Шишов, О. Ф. Преступление и проступок: специальность 12.00.03 : автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юридических наук./ Шишов Олег Федорович ; Моск. ордена Ленина и ордена трудового Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1967. – 4 с.

гражданское. Но если умысел на присвоение денег сформировался еще до того, как они были взяты в заем, то это уже мошенничество¹.

Однако представляется, что вышеизложенные критерии должны также обязательно содержать указание на виновность как обязательный признак преступления. Принцип субъективного вменения является краеугольным камнем уголовного права, отсутствие вины лица «рушит» состав преступления в целом. В то же время, п. 2 ст. 1064 ГК РФ предусматривает несколько иное правило в этой части. Лицо освобождается от возмещения вреда, если докажет свою невиновность в его причинении. Однако законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины. Прежде всего, это касается ответственности предпринимателя. Также владелец источника повышенной опасности в случае причинения вреда несет ответственность и без наличия вины (ст. 1079 ГК РФ).

Законодатель исходит из того, что гражданско-правовая ответственность может наступать как за виновное, так и невиновное причинение вреда. При этом состав деликта, предусматривающий ответственность за невиновное причинение вреда, в науке иногда именуют усеченным².

Многие ученые-цивилисты утверждают, что невиновное причинение вреда не порождает гражданско-правовой ответственности, здесь речь идет только о возникновении обязанности возместить причиненный вред. Так, О. Э. Лейст указывал, что отношения по возмещению вреда, причиненного в результате невиновных действий правонарушителя, хотя по своей внешней форме и напоминают отношения ответственности, исключают возможность квалификации их в качестве ответственности. При возложении обязанности возмещать убытки без вины законодатель, считают они, использует лишь «модель ответственности».

¹ Голик, Ю.В. Философия уголовного права / Ю. В. Голика. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 34 с.

² Поляков, И. Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда / И.Н. Поляков – Москва: Городец, 1998. – 18 с.

И нет никаких оснований и необходимости наполнять эту модель чуждым ей содержанием и включать в понятие ответственности¹. Аналогичной позиции придерживается и ряд других авторов. С. Б. Цветков предлагает выделять ответственность за виновное деяние и обязанность возмещения вреда независимо от вины правонарушителя².

В отличие от уголовной, гражданская ответственность несет восстановительно-компенсаторную функцию, острие которой направлено на возмещение убытков, обеспечение реализации нарушенного субъективного права. В связи с этим в гражданском праве очень распространен институт ответственности третьих лиц. Поэтому ответственность причинителя вреда будет наступать как за виновное, так и за невиновное поведение. В уголовном праве такая ситуация недопустима. Острие этой ответственности направлено, прежде всего, на личные неимущественные интересы правонарушителя путем применения к нему наказания в целях его воспитания и предупреждения совершения правонарушений в будущем, а мерой ответственности является форма и степень вины правонарушителя, которая к тому же должна быть доказана. Поэтому здесь нельзя говорить об ответственности без вины³.

Рассмотрим следующую ситуацию. В соответствии со ст. 1095 ГК РФ вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных

¹ Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. / О.Э. Лейст. – Москва: МГУ, – 1981. –131-133 с.

² Цветков, С. Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: специальность 12.00.03 : автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юридических наук. / Цветков Сергей Борисович ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 1998. – 11 с.

³ Агибалова, Е. Н. Состав гражданского правонарушения как основание деликтной ответственности / Е. Н. Агибалова // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. – 2015. – № 1/3. – 88 - 94 с.

недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет. Данная норма представляет частный случай гражданско-правовой ответственности за невиновное причинение вреда. В уголовном законе ей корреспондируют ст. ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», 171.1 «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации» и в какой-то степени 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)».

Даже невиновное причинения вреда жизни, здоровью или имуществу, предусмотренное ст. 1095 ГК РФ, образует состав гражданско-правового деликта. В этом случае, используя цивилистическую терминологию, он будет усеченным. Таким образом, мы установили, что преступления и гражданско-правовые деликты отличаются по субъективной стороне: в преступлениях вина является обязательным признаком, в гражданско-правовом нарушении – факультативным. Позиция авторов, которые отрицают наличие гражданско-правовой ответственности в случае невиновного причинения вреда и замены ее обязанностью возместить причиненный вред также полагаем некорректной. Обязанность возместить причиненный вред входит в гражданско-правовую ответственность и выделять ее в качестве отдельного последствия невиновного нарушения норм гражданского права не представляется возможным. Поэтому субъективная сторона деликта включает вину как факультативный признак.

Общий объект преступления шире, чем аналогичный объект гражданско-правовых деликтов. Общественная опасность как критерий разграничения

преступлений и иных правонарушений, в том числе деликтов, является предметом традиционного внимания отечественных исследователей.

Далее рассмотрим вопросы отграничения преступлений в сфере экономической деятельности от гражданско-правовых деликтов с позиции редакции статей, входящих в главу 22 действующего УК РФ. Так, сомнений не вызывает целесообразность уголовно-правового запрета в отношении действий, предусмотренных ст. 186.

В то же время, если рассматривать основные составы, представленные в главе 22 УК РФ, то можно отметить, что некоторые из них вызывают сомнения в части однозначной необходимости уголовно-правового запрета:

1. Ст. 179 УК РФ сопоставима со ст. 179 ГК РФ;
2. Ч. 1 и 2 ст. 180 отграничивается от нарушения гражданского законодательства в регулируемой сфере только размером ущерба либо неоднократностью;
3. Ст. 185, 185.1, 185.2, 185.4 – криминообразующими признаками также выступают ущерб или извлечение незаконного, по замыслу законодателя, дохода;
4. Ст. 185.5 – по сути представляет собой контроль за порядком управления юридическим лицом;
5. В ст. 196 криминообразующим выступает крупный ущерб; ст. 200.3 – крупный размер; ст. 200.4 – корыстный мотив и крупный ущерб.

Как видно, качественная характеристика ряда преступлений как деяний, опасных для всего общества, измеряется исключительно количественным показателем (установленная уголовным законом сумма, определяющая размер вреда, ущерба, дохода), что едва ли можно назвать обоснованным.

Особенно примечательной в этом смысле являются составы, предусмотренные ст. 180 УК. В данной статье практически полностью содержатся признаки состава гражданского правонарушения (ответственность за незаконное использование товарного знака и знака обслуживания предусмотрена ст. 1515 ГК РФ, а за незаконное использование наименования места происхождения товара –

ст. 1537). В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» как раз и приводятся в сжатом виде положения гражданского законодательства в данной сфере.

Из новелл уголовного законодательства, продолжающих отмеченную тенденцию, следует отметить ст. 200.3. Формулировка основного и квалифицированного составов преступлений, по законодательной конструкции являющихся формальными, открывает возможность для правоприменителя привлекать лиц к уголовной ответственности за совершение по сути гражданского правонарушения.

В свою очередь, ст. 200.4 хоть и изобилует цивилистическими понятиями и предусматривает ответственность за нарушение законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, но, в то же время, отличается от упомянутых выше статей именно уголовно-правовым уклоном, что позволяет отграничить деяние от гражданских правонарушений в данной сфере не просто по размеру причиненного ущерба, но и преступному мотиву.

Представляется, что уголовная ответственность за посягательства на отношения в сфере экономической деятельности должна наступать только в том случае, если, помимо нарушения положений гражданского законодательства, в деянии содержатся признаки, указывающие на объективную общественную опасность, например, такие как обман, корыстный мотив, применение насилия или угроза его применения, совершение деяния в соучастии и т. д. Неслучайно А. В. Иванчин одним из основных правил уголовного законотворчества называл следующее: «признаки, вводимые в состав преступления, в своей совокупности

должны отражать общественную опасность запрещаемого поведения либо существенно измененный ее уровень»¹.

В этой связи представляется необходимым вновь обратиться к одной из базовых категорий уголовного права, определяющей, как нам видится, и развитие иных отраслей.

Одним из важнейших отличительных признаков преступления выступает общественная опасность. Как правило, ее определение связывается учеными с причинением существенного вреда общественным отношениям или реальной угрозой такого причинения. То есть она должна быть очевидной и объективной. Вместе с тем, сложно себе представить «формулу», по которой можно было бы точно определять ее уровень применительно к каждому акту человеческого поведения.

Значение данной фундаментальной категории неоспоримо велико, поскольку она имеет не только теоретическое, но и практическое значение (является основополагающей при криминализации и декриминализации деяния, употребляется неоднократно в уголовном законе и должна учитываться при его применении в процессе юридической оценки содеянного). Однако легального закрепления она не находит, и, следует констатировать, остается оценочной. История показывает, что подход законодателя к определению общественной опасности и наказуемости даже посягательств против личности менялся. Юридическая оценка же деяний, негативно воздействующих на отношения в сфере экономической деятельности, и по сей день остается неоднозначной.

Общественная опасность как сущностная характеристика преступления пронизывает все элементы его состава. Обычно ее связывают с объектом посягательства. Исходя из того, что наиболее часто в уголовном законе употребляется «общественно опасное деяние», можно также предположить, что

¹ Иванчин, А. В. О некоторых правилах образования уголовно-правовых запретов / А. В. Иванчин // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – 118 с.

ключевое значение имеет объективная сторона, выражающаяся в действии или бездействии.

Выделяют качественную (характер) и количественную (степень) составляющие общественной опасности. Их содержание не находит отражения в уголовном законе, но дается Пленумом Верховного Суда РФ. Так, характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. Ориентиром должны стать охраняемые УК социальные ценности и причиненный им вред. В этой связи, поскольку предметом нашего внимания являются отношения в сфере экономической деятельности, отметим, что единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности составляют основу конституционного строя нашей страны. Кроме того, ч. 1 ст. 34 КРФ закрепляет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Данные социальные ценности, нашедшие отражение в ч. 1 ст. 2 УК РФ (прямо не указаны, однако входят в перечень прав и свобод человека и гражданина, стоящих в данной норме на первом месте), охраняются уголовным законом, закрепляющим составы преступлений в сфере экономической деятельности.

Степень общественной опасности преступления, с точки зрения Пленума, на правоприменительном уровне устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание и относящихся к совершенному преступлению.

Примечательно в этом смысле, что общественная опасность – свойство не только деяния, но и лица, совершившего преступление. Об этом говорится, в частности, в статьях 75 и 80.1 УК. Высший судебный орган при этом в постановлении Пленума от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от

уголовной ответственности» отмечает, что при выполнении условий, содержащихся в ст. 75, лицо перестает быть общественно опасным. При разъяснении правил применения ст. 76 речь идет об изменении степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим.

Таким образом, общественная опасность преступления не ограничивается его составом. Кроме того, общественно опасными считаются и акты человеческого поведения, не имеющие всех признаков состава (например, при не достижении возраста уголовной ответственности, отсутствии вменяемости субъекта). Рассматриваемая категория служит и критерием отграничения преступного от не преступного (малозначительность деяния и поведение субъекта при обстоятельствах, описанных в главе 8 УК), причем именно общественная опасность служит водоразделом между преступлениями и иными видами правонарушений.

В то же время, анализ статистики¹, опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, показывает, что в настоящее время говорить о распространенности и наказуемости всех деяний, предусмотренных всеми статьями главы 22 действующего УК, не приходится. Так, за 2020 г. не было ни одного осужденного по ч. 2 ст. 169, ст. 170, ч. 2-5 ст. 170.1, ч. 1 и 2 ст. 170.2, ч. 1.1 ст. 171.1, ч. 2 ст. 172.1, ч. 1 ст. 172.2 ч. 1 ст. 172.3, ст. 173, ч. 1 - 3 ст. 174, ч.2 ст. 174.1, ч. 2 ст. 176, ч. 1 и 3 ст. 178, ч. 2 ст. 180, ст. 181, ст. 182, ст. 183 – 185, ст. 185.1 – 185.6, ст. 188, ч. 1 и 2 ст. 189, ст. 190, ч. 3 ст. 191, ч. 2 ст. 191.1, ст. 192, ч. 1.1 ст. 193, ч. 1 ст. 193.1, ч. 3 ст. 194, ч. 3 ст. 195, Ст. 197, ст. 199.3, ст. 199.4, ст. 200, ст. 200.4, ч. 2 – 4 ст. 200.5, ст. 200.6. Причем по некоторым статьям не было ни одного осужденного на протяжении 2-3-х лет. Н. А. Лопашенко, анализируя введение в УК ст. 170.2, отметила: «вводить

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.05.2021).

самостоятельную ответственность для того, чтобы наказать нескольких человек, совершивших не обладающие существенной общественной опасностью деяния, – затея, близкая к безумной».

Полагаем, преступлением даже в рамках главы 22 УК РФ должно признаваться деяние, наносящее не только вред, измеряемый денежными средствами, но и сопряженное с обманом, насилием или угрозой его применения и иными «классическими» исключительно уголовно-правовыми признаками. Солидаризируемся с мнением разработчиков Концепции о том, что среди основных постулатов при криминализации или декриминализации деяний в экономической сфере нужно рассматривать:

подтвержденность криминализации. Криминализации каких-либо деяний допустима лишь тогда, когда есть криминообразующие признаки, которые носят безусловно уголовно-правовой характер (обман, насилие, угроза, принуждение, подделка документов);

имущественный ущерб не может быть единственным критерием криминализации. Наличие лишь крупного имущественного ущерба как результата отклоняющегося поведения субъектов экономической деятельности не может выступать основанием для криминализации;

акцессорность (резервность) уголовного запрета. Криминализация допустима лишь при невозможности борьбы с данным правонарушением посредством иных отраслей права или иных применимых норм уголовного права (в частности, предусматривающих ответственность за преступления против личности)¹.

В отличие от ряда стран, уголовное законодательство которых выделяет преступления и проступки, Россия уголовную ответственность связывает только со совершением деяния, содержащего все признаки состава преступления. Вместе с

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01 марта 2018 г. // Сайт президента России : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.05.2018).

тем, перспективы появления уголовного проступка в УК РФ обсуждаются в доктрине не первый год. Прежде всего, возникает вопрос о правовой природе данного явления. Необходимость перевода ряда деяний из разряда преступлений в уголовные проступки обычно связывается с их низким уровнем общественной опасности. Представляется, что такого рода законодательные изменения предполагают не просто появление новой части в ст. 14 УК РФ, но требуют выработку единого подхода к системе уголовного и законодательства в сфере административных правонарушений, а также вызывают необходимость обращения к общей теории правонарушения.

В наиболее общем виде можно выделить 3 основных подхода к целесообразности его появления в современном российском законодательстве:

1. уголовный проступок необходимо рассматривать в качестве уголовно наказуемого деяния, не являющегося преступлением;

2. уголовный проступок должен дополнить существующую категоризацию преступлений и ввиду наименьшей общественной опасности предшествовать преступлениям небольшой тяжести;

3. в законодательном закреплении уголовного проступка нет необходимости.

Следует отметить, что сам по себе вопрос наличия в уголовном законодательстве проступка не является новым.

Предлагается внести уголовный проступок к одной из категорий преступлений, выделить из преступлений небольшой тяжести, опираясь на привычную классификацию по характеру и степени общественной опасности и предусмотреть для них наказания, например, не связанные с лишением свободы, такая терминологическая замена внесет меньшие изменения в уголовное законодательство, однако едва ли будет оправданной с точки зрения единства понятийно-категориального аппарата различных отраслей российского права, ведь в таком случае проступок станет разновидностью преступления.

Следует учитывать, что отнесение уголовных проступков к одной из категорий преступлений скрывает в себе опасность широкого усмотрения суда. Как известно, действующее уголовное законодательство позволяет изменить категорию преступления в пользу смягчения. Таким образом, в случае дальнейшей экстраполяции данного правила на случаи совершения преступления небольшой тяжести у суда открывается возможность с учетом предусмотренных законом условий признать преступления небольшой тяжести уголовным проступком, а значит, применить уголовно-правовые последствия совершения последнего.

Таким образом, появление отдельных проступков в уголовно-правовом поле может потребовать от органов государственной власти субъектов пересмотра их административного законодательства. Вместе с тем, представляется, что перспективное смягчение уголовно-правовых запретов на деяния в сфере экономической деятельности положительно скажется на развитии российской экономики.

На основе изложенного в данном параграфе можно сделать ряд выводов. Существенные отличия между преступлением и гражданско-правовым деликтом обнаруживаются в признаках субъективной стороны и субъекта. В гражданском праве допускается ответственность за невиновное причинение вреда, круг субъектов гражданско-правовой ответственности гораздо шире, чем субъектов преступления.

В целях унификации положений гражданского и уголовного права необходимо отказаться от использования термина «усеченный состав деликта», под которым в цивилистике понимается состав безвиновного причинения вреда. Содержание данного понятия в уголовном праве совершенно иное. Во избежание путаницы и подмены понятий предлагается заменить понятие «усеченный состав деликта» на «состав невиновного деликта».

Необходимо признать возможность не только реальной, но и идеальной совокупности преступления и гражданского правонарушения. В случае, если

деяние содержит одновременно все признаки состава преступления и гражданско-правового деликта, ответственность наступает по соответствующей статье Особенной части УК РФ. При этом возможно применение мер гражданско-правовой ответственности в соответствии с законом.

Следует положительно оценить перспективу введения в российское законодательство категории уголовного проступка, однако при разработке соответствующего законодательного акта важно учитывать следующее. Во-первых, ее содержание сущностно отличается от преступления. Разграничение преступления и уголовного проступка первоначально должно проходить по материальному, а не формальному признаку. Во-вторых, данный вид правонарушений относится к уголовно-правовым, а потому обладают хоть и пониженной, но общественной опасностью, отличающей его от малозначительного деяния, правонарушений иной отраслевой принадлежности. В-третьих, для уголовных проступков вне зависимости от объекта посягательства должен быть выработан единый подход к определению вида и размера наказания, а также оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания и применению иных мер уголовно-правового характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Прежде всего стоит отметить, что нормы гражданского права формируют законный порядок осуществления экономической деятельности. При этом охранительная функция у гражданского права выражена слабее, чем регулятивная. Поэтому она дополняется, компенсируется с помощью более развитой охранительной функции уголовного права. В процессе создания уголовно-правовых запретов законодатель учитывает гражданско-правовые положения, регулирующие конкретный круг общественных отношений.

Целесообразно говорить именно о связи, но не смешении и слиянии уголовного и гражданского права и их начал. Эта связь объективно существует между двумя указанными правовыми отраслями, устанавливающими правовые границы поведения участников общественных отношений в сфере экономической деятельности. Связь и, в то же время, самостоятельность отраслей уголовного и гражданского права на уровне определения запрещенного поведения субъектов экономической деятельности обнаруживается в следующем. Изменение

гражданского законодательства может корректировать объем преступных деяний при внешней неизменности уголовно-правовой нормы. В свою очередь, уголовное право способно и опережать регулятивное законодательство, санкционируя деяния, не получившие подробной правовой регламентации, если это требуется для выполнения задач уголовного законодательства.

В то же время, представляется, что язык права должен быть единым. Несмотря на то, что эта проблема неоднократно поднималась в научной литературе, до сих пор в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации и постановлений Пленума Верховного Суда используются устоявшиеся и имеющих легальную дефиницию гражданско-правовые понятия в искаженном значении. Представляется, что внесение нового содержания в общепринятую терминологию недопустимо. Особенно это касается обязательных, тем более – квалифицирующих признаков состава. Если размер (в том числе размер задолженности и убытков), величина дохода (включая излишний), ущерб, в стоимостном выражении закреплены в уголовном законе, то само содержание понятия дохода, ущерба, убытков понимается на практике неоднозначно и не всегда соотносится с положениями гражданского права. Поскольку эти признаки служат основанием уголовной ответственности, определяют повышенную степень общественной опасности, противоправность, виновность и наказуемость деяния, их значение должно быть закреплено именно в УК, а не постановлениях Пленума.

Гражданско-правовые нормы участвуют в процессе уголовного правоприменения двумя способами: 1) нормы гражданского права применяются напрямую, совместно с уголовными, при рассмотрении гражданских исков в уголовном процессе о компенсации потерпевшему вреда, причиненного преступлением, или при причинении вреда в состоянии крайней необходимости (судебное правоприменение); 2) в процессе квалификации преступлений нормы гражданского права применяются опосредованно, поскольку составы преступлений, даже описанные с отсылкой к гражданскому законодательству, закреплены именно в УК.

Представлено дополнительное обоснование несостоятельности идеи об отнесении актов гражданского законодательства к источникам уголовного права как в формальном, так и материальном смысле. Формальными источниками уголовного права они не могут служить, поскольку не призваны определять преступность и наказуемость деяния. Материальными источниками права данные акты также не выступают, поскольку под этим термином понимаются условия социальной жизни как силы, создающие право.

В процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности регулятивное законодательство должно использоваться исходя из его содержания и назначения. При этом о влиянии норм различных отраслей права (и, в частности, гражданского) на квалификацию преступления можно говорить только в том случае, если содержание одной или нескольких таких норм учитывается при установлении обязательных признаков состава преступления и способно изменить результат квалификации.

В данном случае необходимо в правоприменительном акте указывать редакцию статьи гражданского законодательства, действующую на момент совершения деяния. Представляется, что правила применения ч. 1 ст. 10 УК РФ распространяются на случаи, когда следствием принятия, изменения или отмены нормативного правового акта, к которому отсылает статья Особенной части УК РФ для установления признаков состава преступления, становятся устранение уголовной противоправности конкретного деяния или иное улучшение положения лица, совершившего преступление. Нормативный правовой акт иной (неуголовно-правовой) отраслевой принадлежности, принятие или изменение которого привело к расширению объема преступных деяний или иному ухудшению положения лица, совершившего преступление, при квалификации содеянного обратной силы не имеет.

Анализ судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных главой 22 УК РФ, показал, что содержащиеся в приговорах ссылки на гражданское законодательство не всегда отражают связи между нормами

уголовного и гражданского права, определяющие квалификацию содеянного. В приговорах часто приводятся положения гражданского законодательства, которые в действительности не оказывают прямого влияния на установление преступности деяния, однако дают его полную юридическую характеристику. Установлено, что в наибольшей степени нормы гражданского права влияют на установление объективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности. Представляется не совсем корректной отсылка в приговорах судов к регулятивному законодательству при описании субъективной стороны содеянного. Указание на то, что обвиняемый достоверно знал содержание всех гражданско-правовых норм, регулирующих определенную сферу жизни, может привести к тому, что действия суда могут быть оценены как объективное вменение.

При юридической оценке деяния важно учитывать, что, если все признаки гражданского правонарушения входят в состав преступления, происходит поглощение и применима только уголовная ответственность. Если же только часть признаков гражданского правонарушения сходна с признаками состава преступления, возможны совокупность и одновременное наступление двух видов ответственности (уголовной и гражданско-правовой), имеющих разный характер.

Представляется, что политика государства в сфере экономической деятельности должна следовать принципу экономии уголовной репрессии. Значительное количество закрепленных в главе 22 УК РФ деяний носят невысокий уровень общественной опасности, что отражено в санкциях за их совершение: 63 основных и квалифицированных составов преступлений относятся к категории небольшой тяжести. В то же время, регулярно пополняется перечень уголовно наказуемых деяний (в числе которых есть и тяжкие), от уголовной ответственности за совершение которых лицо освобождается по нереабилитирующим основаниям. Представляется, что такой смешанный подход не позволяет говорить о гуманизации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. В этой связи следует положительно оценить

перспективу введения в уголовное законодательство уголовных проступков, которые следует понимать, как деяния, не являющиеся преступлениями и потому не дополняющее существующую в ст. 15 их категоризацию. В противном случае в силу ч. 6 ст. 15 УК РФ любое преступление небольшой тяжести суд сможет перевести в разряд уголовных проступков.

Таким образом, в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности необходимо в каждом конкретном случае определять сущность нарушаемых общественных отношений. При разграничении преступлений и гражданско-правовых деликтов в указанной сфере нужно не только опираться на формально определенные в законе характеристики деяния, но и учитывать отсутствие у уголовного права задачи подменять право гражданское.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативно-правовые акты

1.1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом изменений, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 13.02.2021).

1.2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.03.2021).

1.3. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.05.2021).

1.4. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон № 129-ФЗ от 08 августа 2001 г. // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.03.2021).

1.5. О цифровых финансовых активах : (Проект федерального закона) // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – 2018. – URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810 (дата обращения: 20.01.2021).

1.6. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации : Проект федерального закона № 424632-7 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2021).

1.7. О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 26.07.2017 № 199-ФЗ // Российская газета. – 2017. – № 167.

1.8. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации (<https://www.vsrp.ru/>) : [сайт]. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8442/> (дата обращения: 10.05.2021)

1.9. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. N 48 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации

(<https://www.vsrp.ru/>) : [сайт]. – URL: <https://www.vsrp.ru/files/6572/> (дата обращения: 10.05.2021).

1.10. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве (с изменениями и дополнениями) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 г. № 23 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации (<https://genproc.gov.ru/>) : [сайт]. – URL: <http://base.garant.ru/1353895/#friends#ixzz5FdкрxEuN> (дата обращения: 15.03.2021).

2. Научная и учебная литература

2.1. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву : Избранные труды. Том I. / М.М. Агарков. – Москва : Юзират, 2002. – 30 с.

2.2. Агибалова, Е. Н. Состав гражданского правонарушения как основание деликтной ответственности / Е. Н. Агибалова // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. – 2015. – № 1/3. – 88 - 94 с.

2.3. Александрова, В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Александрова Виктория Викторовна ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2018. – 10 - 86 с.

2.4. Бочкарев, С. А. Философия уголовного права в истории европейских и англо-американских школ / С.А. Бочкарев // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1 (10). – 140 - 141 с.

2.5. Варшавский, К. М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда / К. М. Варшавский. – Москва: НКЮ РСФСР, 1929. – 54 с.

2.6. Волженкин, Б. В. О содержании бланкетных диспозиций статей об экономических преступлениях в УК РФ : Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения. Материалы третьей научно-практической конференции / Б.В. Волженкин. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 2006. – 12 с.

2.7. Голик, Ю.В. Философия уголовного права / Ю. В. Голика. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 34 с.

2.8. Грошев, А. В. Институт юридической ошибки в контексте презумпции знания уголовного закона и защиты прав человека / А. В. Грошев // Современные проблемы уголовной политики. – 2016. – № 6. – 276-286 с.

2.9. Данильян, О. Г. Философия права : учебное пособие / О. Г. Данильян. – Москва: Эскиммо, 2007. – 130 с.

2.10. Евстигнеев, Э. А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве / Э. А. Евстигнеев. – Москва: Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. – 174 с.

2.11. Иванчин, А. В. О некоторых правилах образования уголовно-правовых запретов / А. В. Иванчин // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – 118 с.

2.12. Калпин, А. Г. Гражданское право : учебное пособие / А. Г. Калпин. – Москва: Юристъ, 2009. – 200 с.

2.13. Камышанский, В. П. Гражданское право : учебное пособие / В. П. Камышанский, Н. М. Коршунов, В. И. Иванов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 300 с.

- 2.14. Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т.В. Кленова. – Москва: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001. – 144 с.
- 2.15. Клепицкий, И. А. Система хозяйственных преступлений / И. А. Клепицкий. – Москва: Статут, 2015. – 64 с.
- 2.16. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин // – Юридическая наука. – 2012. – № 5. – 174 - 180 с.
- 2.17. Коняхин, В. П. Об источниках уголовного права применительно к Общей части УК РФ : Российское уголовное право. Общая часть / В. П. Коняхин, М. Л. Прохорова. – Москва : Контракт, 2014. – 74 -75 с.
- 2.18. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – Москва: Юристъ. – 2007. – 33 - 38 с.
- 2.19. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. – Москва: Городец, – 2017. – 114 с.
- 2.20. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. / О.Э. Лейст. – Москва: МГУ, – 1981. –131-133 с.
- 2.21. Лескова, Ю. Г. Незаконное предпринимательство : изменение признаков состава уголовного преступления в свете реформирования гражданского законодательства / Ю. Г. Лескова, А. А. Диденко // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 1. – 96-104 с.
- 2.22. Лопашенко, Д. В. Соотношение частного и публичного в уголовном праве : специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени кандидат юридических наук / Лопашенко Дарья Викторовна ; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) – Москва, 2018. – 19 - 34 с.
- 2.23. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона / Н. А. Лопашенко, Н. А.

Лопашенко // Законы России: Опыт, Анализ, Практика. – 2018 – № 2. – 25 - 33 с.

2.24. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Лопашенко Наталья Александровна ; Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина – Москва, 2017. – 33 - 34 с.

2.25. Малько, А. В. Юридический энциклопедический словарь / А. В. Малько. – Москва: Проспект, 2017. – 116 с.

2.26. Матузов, Н. И., Теория государства и права : учебное пособие / Н.И. Матузов, А. В. Малько – Москва: Юристъ, 2016. – 444 с.

2.27. Наумов, А. В. Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – Москва: Юрлитиздат, 1978. – 25 с.

2.28. Наумов, А. В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) / А.В. Наумов // Право и государство. – 2017. – № 1. – 65 с.

2.29. Нафиков, М. М. Основные проблемы квалификации преступлений в сфере экономической и финансовой деятельности / М.М. Нафиков // Учёные записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. – 2017. – № 13. – 312 с.

2.30. Новиченко, А. С. Логико-методические основы квалификации преступлений : специальность 09.00.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Новиченко Александр Степанович ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова – Москва, 1977. – 154 с.

2.31. Ображиев, К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических

наук / Ображиев Константин Викторович ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва, 2014. – 31 с.

2.32. Осипов, И. В. Актуальные вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по признакам ущерба, дохода и размера / И.В. Осипов // Сборник научных трудов по материалам V международной научной конференции «Научные тенденции: юриспруденция». – 2017. – № 1. – 23-26 с.

2.33. Пайвин, Д. М. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности: специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени кандидат юридических наук / Пайвин Денис Михайлович ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2015. – 34 с.

2.34. Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1998. – 93-106 с.

2.35. Поляков, И. Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда / И.Н. Поляков – Москва: Городец, 1998. – 18 с.

2.36. Пшипий, Р. М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК) : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Пшипий Рустам Махмудович ; Кубанский государственный аграрный университет – Краснодар, 2015. – 12 с.

2.37. Рарог, А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог – Москва: Проспект, 2015. – 54 с.

2.38. Рипинский, С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям / С.Ю. Рипинский – Санкт-Петербург: Юрид. Центр Пресс, 2015. – 73 с.

2.39. Сидоренко, Э. Л. Частные начала в уголовном праве / Э. Л. Сидоренко, М. А. Карабут. – Санкт-Петербург: Юрид. Центр Пресс, 2007. – 17 с.

2.40. Смирнов, В. Т. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве : учебное пособие / В. Т. Смирнов, А.А. Собчак. – Ленинград: ЛГУ, 1983. – 55 с.

2.41. Талан, М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: специальность 12.00.08 : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Талан Мария Вячеславовна ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2002. – 86-90 с.

2.42. Тархов, В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В. А.Тархов. – Саратов; Сарат. ун-та, 1973. – 33 с.

2.43. Хорунжий, С. Н. Правовые основы защиты частных и публичных интересов / С.Н. Хорунжий // Юридическая наука. – 2016. – № 5. – 39 с.

2.44. Цветков, С. Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: специальность 12.00.03 : автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юридических наук. / Цветков Сергей Борисович ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 1998. – 11 с.

2.45. Шишов, О. Ф. Преступление и проступок: специальность 12.00.03 : автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юридических наук./ Шишов Олег Федорович ; Моск. ордена Ленина и ордена трудового Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1967. – 4 с.

3. Материалы правоприменительной практики

3.1. О сдаче помещений в аренду (наем) : Письмо Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 6.07.2004 № 04-3-01/398 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2021).

3.1. По делу о проверке конституционности положения статьи 2261 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 22-П // Официальный интернет-портал правовой информации : интернет-портал. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507220023> (дата обращения: 01.02.2021).

3.2. Приговор Ханты-Мансийского городского суда г. Ханты-Мансийска от 28 мая 2020 г. по делу № 1-526/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : интернет-портал. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AGmG0bdHhK55/> (дата обращения: 11.03.2021).

3.3. Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 19 сентября 2018 г. по делу № 1-523/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : интернет-портал.- URL: <https://sudact.ru/regular/doc/f72g4LeY2ib4/> (дата обращения: 10.04.2021).

3.4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01 марта 2018 г. // Сайт президента России : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.05.2018).

3.5. Приговор Октябрьского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 12 июля 2019 г. по делу № 1-60/2019. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : интернет-портал. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.04.2021).

3.6. Приговор Нижневартовского городского суда г. Нижневартовск от 17 октября 2019 г. по делу № 1-59/2019. // Судебные и нормативные акты

Российской Федерации : интернет-портал. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HZGDAX6nY1Zm/> (дата обращения: 15.02.2021).

3.7. Приговор Сургутского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 10 сентября 2019 г. по делу № 1-54/2019. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : интернет-портал. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2021).

3.8. О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с квалификацией деятельности физических лиц в качестве предпринимательской в целях налогообложения : Письмо ФНС России от 7.05.2019 № СА-4-7/8614 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.04.2021).

3.9. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.05.2021).

3.10. Данные социально-криминологической характеристики преступности по ХМАО Югра, результаты деятельности органов прокуратуры ХМАО Югра // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

3.11. Заседание коллегии Генпрокуратуры России от 15 февраля 2018 г. // Сайт президента России : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56863> (дата обращения: 20.02.2021).

3.12. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21 марта 2019 г. // Сайт президента России : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56863> (дата обращения: 21.05.2021).